

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ISSN 2308-8923

**АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОСТИ:
наука и общество**

4 (33)

2021

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ: наука и общество

Учредитель: Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

**4 (33)
2021**

Ежеквартальный
научный журнал

Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре
Свидетельство
ПИН № ФС77-53274

Журнал включен в
научометрическую базу
Российского индекса научного
цитирования (РИНЦ)

Мнения в авторских статьях
могут не совпадать с
позицией редакции

При использовании
материалов ссылка на журнал
обязательна

Издатель: Балаковский филиал
РАНХиГС

Адрес редакции:
413865, г. Балаково,
ул. Чапаева, д. 107
Тел.: 8 (8453) 46-21-95
E-mail: editorial.aps@gmail.com

БАЛАКОВО

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Дзугаев К.Г. Южная Осетия: идентичность и угроза этнокультурной перекодировки	3
Аккиева С.И., Теммиев И.Ю. Территориальная (региональная) идентичность: подходы к исследованию проблемы..	8
Барышная Н.А. Этнополитическая ситуация в Саратовской области: современные тенденции.....	17
Велиева Д.С., Зенченко А.В. Ограничения и запреты, связанные с муниципальной службой: вопросы классификации.....	24
Зенченко А.В. О некоторых аспектах реализации принципа равного доступа к муниципальной службе.....	29
Утепников Г.Н., Мокин К.С. Полномочия Президента РФ по обеспечению национальной безопасности, сохранению территориальной целостности и укреплению суверенитета страны.....	34

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ

Саввина Е.С. Проблемы социально-экономического развития в Саратовской области.....	39
Чугунова О.А. Информационные технологии в управлении социально-экономическим развитием на примере Саратовской области.....	42

ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ О ПОДГОТОВКИ КАДРОВ

Синчурина Е.С. Образовательное пространство. Историко-философский аспект.....	46
--	----

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Редакционная коллегия

СОЛДАТКИНА А.А.
кандидат экономических наук
(главный редактор)
МОКИН К.С.
доктор социологических наук
(заместитель главного редактора)
БАРЫШНАЯ Н.А.
доктор социологических наук
(ответственный секретарь)
АБАКУМОВ Д.В.
кандидат юридических наук
БОЖИНОВ Б.В.
кандидат экономических наук
(Болгария, Свиштов)
КОЗИН М.Н.
доктор экономических наук
МИРОЛЮБОВА Л.Р.
кандидат философских наук
НИКОЛАЕВ К.А.
кандидат философских наук
НУРТАЗИН М.С.
кандидат социологических наук
(Республика Казахстан, Уральск)
ОСТАПЕЦ О.Г.
кандидат юридических наук
ОЧКУР Г.В.
кандидат технических наук
ПРУДНИКОВА Н.Н.
кандидат педагогических наук
ПРОРОКОВА Е.А.
кандидат экономических наук
СУВОРОВА В.В.
доктор экономических наук
ТОКАРЕВ А.Н.
кандидат технических наук
ТУЛУЗАКОВА М.В.
доктор социологических наук
ШЕСТЕРКИН Г.И.
доктор сельскохозяйственных наук

Корректор
МИРОЛЮБОВА Л.Р.
Дизайн
БАРЫШНАЯ Н.А.
Верстка
СИНЧУРИНА Е.С.

Печать офсетная
Физ. печ. л. 8
Усл. печ. л. 7,4
Тираж 500 экз.

Отпечатано в ООО
“Типография ТИСАР”
“Актуальные проблемы
современности: наука и общество”
2021

CONTENTS

STATE AND REGIONAL MANAGEMENT

Kosta G. Dzugaev South Ossetia: identity and the threat of ethnocultural recoding.....	3
Svetlana I. Akkueva, Islam YU. Temmoev Territorial (regional) identity: approaches to issues research.....	8
Natalya A. Baryshnaya Ethnopolitical situation in the Saratov region: contemporary trends.....	17
Dzhamila. S. Velieva, Anton.V. Zenchenko Restrictions and prohibitions related to municipal service: classification issues.....	24
Anton V. Zenchenko On some aspects of the implementation of the principle of equal access to municipal service.....	29
Gennadii N. Utenkov., Konstantin S. Mokin Powers of the President of the Russian Federation to ensure national security, preserve territorial integrity and strengthen the sovereignty of the country.....	34

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE AREAS

Elena S. Savvina Issues of socio-economic development in the Saratov region.....	39
Olga A. Chugunova Information technologies in the management of socio-economic development in the Saratov region.....	42

MATTERS OF EDUCATION AND PERSONNEL TRAINING

Ekaterina S. Sinchurina Historical and philosophical aspects of the educational space.....	46
---	----

Южная Осетия: идентичность и угроза этнокультурной перекодировки¹

Дзугаев Коста Георгиевич

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела новой и новейшей истории Юго-Осетинского НИИ им. З.Н. Ванеева

Kosta G. Dzugaev

Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher at the Department of Modern and Contemporary History of the South Ossetian Research Institute named after Z.N. Vaneev

e-mail: kostadzugaev@mail.ru

УДК 323.1

South Ossetia: identity and the threat of ethnocultural recoding

В данной статье автором рассматриваются проявления процесса этнокультурных изменений в югоосетинском и общеосетинском социумах, борьба вокруг традиционных осетинских ценностей, анализируются намерения и цели активистов модернизации национальной идентичности.

Ключевые слова: Южная Осетия, культурный код, аланизм, идентичность, воссоединение Осетии.

The paper examines the manifestations of the process of ethnocultural changes in the South Ossetian and general Ossetian societies, it considers the struggle around traditional Ossetian values, analyzes the intentions and goals of activists of the modernization of national identity.

Keywords: South Ossetia, cultural code, Alanism, identity, reunification of Ossetia.

Югоосетинская идентичность, очевидно, является частью общеосетинской идентичности, т. е. на юге Осетии, в Республике Южная Осетия, проживает тот же осетинский народ, что и на севере Осетии – в Республике Северная Осетия – Алания в составе России. Вместе с тем идентичность южных осетин, в силу естественноисторических причин развития южной ветви народа, имеет определённые отличия от североосетинской идентичности [1], что осознаётся и южными, и северными осетинами. Давление грузинского государства на южных осетин, имевшее целью их ассимиляцию, имело весьма жёсткие проявления, доходившие до геноцидных попыток ликвидации Южной Осетии как этнотерриториальной родины южных осетин и физического истребления южных осетин; отметим, что в новейшей истории имело место также изгнание около ста тысяч осетин из Тбилиси и других городов и районов Грузии, с присвоением их имущества и жилищ. Противодействие этому давлению со стороны южных осетин имело различные формы, главной из которых были неоднократные попытки выхода из состава грузинского государства – в 1918 – 1920, в 1925, в 1936, в 1989 – 1992 годах. В этой борьбе, длящейся поколениями, от родителей к детям, выработался исключительной стойкий национальный характер южных осетин, позволивший им выстоять, защитить свою идентичность от грузинской угрозы её разрушения, и добиться, дожидаясь признания независимости провозглашённой Республики Южная Осетия со стороны Российской Федерации и нескольких других государств (последняя пока – Сирия). Северные осетины в этом отношении находились в заведомо более комфортных условиях по сравнению с южными, так как ни имперские, ни советские, ни тем более нынешние российские власти никогда не ставили перед собой цели лишения осетин их идентичности, несмотря на известные зигзаги в национальной политике.

¹Статья подготовлена в рамках работы по проекту РФФИ – МОН РЮО «Территориальная идентичность: факторы, механизмы и инструменты формирования (сравнительный анализ субъектов Российской Федерации и Республики Южная Осетия)» в рамках Гранта РФФИ № 20-511-07004.

Вследствие этого у северных осетин не выработались столь акцентированные защитные реакции, как у южных осетин, и после снятия культурного барьера перед западной масс-культурой наблюдается сильная эрозия этнической идентичности северных осетин [1], связанная прежде всего с насаждением индивидуализма и сопутствующих ему западных ценностей.

Существует, однако, ещё одна угроза осетинской этнокультурной идентичности, которую можно было бы назвать угрозой внутренней, если бы не имелись основания понимать её как инициированную извне: осетин последовательно и настойчиво пытаются культурно перекодировать с использованием понятийного инструментария, имеющего во мнении некоторой части осетин укоренённость в осетинской культуре.

Один из таких инструментов – «исконная, древняя осетинская религия уацдин (другое название – асс-дин)» [2]. Внедрение этого религиозного новодела уже стало заметным фактором общественной жизни в Республике Северная Осетия – Алания; анализ активности в социальных сетях легко выявляет его антиправославную направленность [3], что послужило причиной специального заявления архиепископа Леонида, до недавнего времени возглавлявшего Владикавказскую и Аланскую Епархию Русской Православной Церкви [4]. В Южной Осетии, наряду с социальными сетями, активным проводником этого религиозного новодела является газета «Республика» – одна из трёх государственных, т. е. финансируемых из государственного бюджета, газет. По сравнению с североосетинскими единомышленниками, нецензурно выражающимися в адрес священников РПЦ, газета «Республика» – надо полагать, с учётом местных обстоятельств – проводит другую политику в религиозном вопросе: она призывает к мирному сосуществованию уацдина и Православия, к их бесконфликтному параллельному развитию. Дело в том, что в Южной Осетии позиции Православия сильны, а «древняя исконная религия осетин» до самого последнего времени не воспринималась всерьёз, поэтому на данном этапе решается пока что задача её внедрения в общественное сознание южных осетин и создания хотя бы минимальной, но устойчивой социально значимой поддержки. «И главное, – пишет газета. – На протяжении веков традиционные верования и православие воспринимались нашим народом одинаково близко, без конфликтов. Порой как одно целое, нерасторжимое (К. Д.). Именно в этом состоит этнокультурный феномен религиозного мира осетинского народа. Однако сегодня формируется пока скрытая, но устойчивая тенденция к навязыванию доминирования одной религии. А это неприемлемое и опасное занятие. (...) Национальная вера и христианская религия также разнятся. Которые, тем не менее, веками существовали параллельно и друг-другу не мешали. Каждому своё. И менять этот баланс, в чью бы то ни было пользу – занятие опасное» [5]. То есть рост влияния Православия – опасно для Осетии по мнению газеты «Республика», не говоря уже о полной лживости утверждения о «навязывании доминирования». Ясно, что эта псевдорелигиозная активность имеет хорошо видную политическую подоплёку, а именно дистанцирование югоосетинского общества от российской цивилизационной платформы, в конечном счёте – перекодирование югоосетинского культурного кода.

Однако основным предметом рассмотрения в данной статье является не религиозный аспект этой деятельности, а аспект историко-культурный: из осетин хотят сделать аланов. Или, точнее говоря, неоаланов. Активность в этом направлении в Северной Осетии берёт начало с позднеперестроечных лет, и резко усилилась после распада СССР. В Южной Осетии, где общественные силы были сосредоточены на изнурительном противостоянии грузинскому военному, экономическому, дипломатическому и идеолого-психологическому давлению, аланизм как общественное явление стал заметен, по сравнению с Северной Осетией, лишь с большим запозданием, и это позиционирование связано всё с той же газетой «Республика», начавшей его пропаганду. Последние годы идеологема аланизма приобретает в Южной Осетии выраженно агрессивный, наступательный характер, а в текущие месяцы активность аланистов радикализировалась. Анализ публикаций в газете «Республика» подтверждает этот вывод со всей очевидностью. То, что аланизм на юге Осетии продвигается газетой «Республика», признаётся ею самой: «При этом именно газета «Республика» являлась флагманом идеи о переименовании страны в Аланию» [6]. «Когда осетины снова станут аланами?» – спрашивает газета в цитируемой статье, и напоминает: «Вопрос этот ставится практически с первых дней переименования страны в Аланию. Поскольку Аланию должны населять соответственно аланы» [6]. Под переименованием здесь имеются в виду результаты референдума 2017 года, совмещённые с президентскими выборами: тогда югоосетинским аланистам удалось аппаратным образом, при попустительстве тогдашнего Президента Л. Тибилова, добиться проведения референдума с предложением добавить к наименованию «Республика Южная Осетия» равнозначное наименование «Государство Алания». Центральная избирательная комиссия заявила о 80% поддержавших предложение, что вызвало сомнения среди экспертов, в том числе у автора данной статьи;

добавим, что Л. Тибиллов выборы проиграл, и Президентом был избран А. Бибилов. Сомнения экспертов, видимо, обоснованы, так как газета с нескрываемым раздражением признаёт, что наименование «Государство Алания» никак не привьётся, а южные осетины упорно отказываются называть себя аланами: «Погрязли в обыденности», - уничижающе указывает газета на вменяемое большинство своих сограждан [6]. Многих читателей газеты насторожило заявление о том, что «Аланию должны населять соответственно аланы». В очередной, пропагандирующей аланизм, публикации, посвященной переписи населения, автор под псевдонимом «С. Остаев» требует: «Необходимо вернуть славное имя предков! Ведь в Алании должны жить аланы!» [7]. Для южных осетин, подвергнувшихся геноциду под лозунгом «Грузия для грузин!», лозунг «В Алании должны жить аланы!» вызывает вполне предсказуемые, однозначные реакции. Обращались с недоумёнными вопросами и к нам, что побудило публично высказаться по данному лозунгу.

В публикации «Республики» автор с негодованием цитирует рекламный ролик, распространяемый среди карачаевцев и балкарцев тамошними аланистами, точно с такой же патетикой и нетерпимостью настаивающими: «Ведь наша нация – аланы!», и призывающими во время переписи записывать себя аланами – точно так же, как югоосетинские аланисты приказывают это делать южным осетинам. В других аналогичных публикациях авторы газеты с таким же негодованием цитируют подобные материалы об ингушах, у которых тамошние аланисты значительно продвинулись в навязывании ингушам аланского бренда. Иными словами, одна и та же идеологическая схема используется для сеяния розни между данными кавказскими народами, и делается это уже небезуспешно. При этом очевидно, что успешность аланизма будет означать для осетин запуск процесса культурной перекодировки народа, ибо ясно, что смена самоназвания страны и этноса – лишь начало далеко идущих планов. Доказательство тому – политические предпочтения газеты «Республика» и её главного редактора А. Чочиева (более двадцати пяти лет бессменно возглавляющего газету): за всё время издания газеты рекламируются люди вполне определённой политической линии, в новейшей истории Южной Осетии олицетворяющейся фигурой Алана Чочиева, бывшего лидера организации «Адамон Ныхас» («Народный Совет»), сыгравшей большую роль в 1989 – 1991 годах в мобилизации протестных настроений против Юго-Осетинского областного комитета Коммунистической партии. А. Чочиев провалился со своей политической практикой, решающее большинство народа (по его собственному признанию) отказало ему в доверии, и по результатам своей радикально-оппозиционной деятельности властям как Южной, так и Северной Осетии он получил политическое убежище на Западе, и ныне проживает в Германии. Газета «Республика» и группирующиеся вокруг неё маргинальные политические силы настаивают на политической реабилитации А. Чочиева и его триумфальном возвращении в Южную Осетию и, соответственно, в югоосетинскую политику. В том же номере газеты, в котором был помещён лозунг-приказ «В Алании должны жить аланы!» [7], являющийся зеркальным отражением лозунга «В Грузии должны жить грузины!», юбилею 75-летия А. Чочиева посвящён полный разворот. При этом он характеризуется как «знаковая личность в истории юга Алании», «неординарный политик», «известный учёный», «ярчайшая звезда на нашем национально-освободительном небосклоне», и даже как «один из основателей юго-осетинской государственности», и в стремлении обелить этого политика газета совершает знаковый для неё подлог: публикуется фотография А. Чочиева с Торезом Кулумбековым – подлинным основателем Республики Южная Осетия, чей памятник стоит перед резиденцией Президента, и кто именно что боролся против политики А. Чочиева, а также фотография А. Чочиева с Валерием Хубуловым, одним из легендарных командиров отрядов самообороны, видным государственным деятелем нашей Республики, но также являющийся одним из тех политиков, кто отказал А. Чочиеву в доверии.

Отдавая себе отчёт в слабости доказательной базы аланизма в историческом плане, газета обычно прикрывается авторитетом доктора исторических наук Руслана Бзарова, одного из почитателей А. Чочиева [9]: учёный настаивает на том, что осетины и есть аланы. Он часто публикуется и цитируется газетой «Республика». В одном из октябрьских с. г. номеров в очередной раз публикуется его статья [10], где профессор пишет о том, как в 18-м веке «аланы вновь установили отношения с Россией». То, что никаких алан в 18 веке уже не было несколько веков, учёного не смущает: он просто называет аланами осетин, в рамках своей насаждаемой историко-политической идеологии. Более того, гротескная абсурдность аланизма подчёркивается хорошо известным историкам, специалистам по Аланскому раннесредневековому феодальному государству, обстоятельством: сами аланы так себя не называли. Но это обстоятельство, разумеется, ни в коей мере не смущает аланистов. В логике данного рассмотрения с необходимостью должен быть поставлен вопрос: есть ли понимание опасности и недопустимости лозунга «В Алании должны жить аланы!» у властей Республики Южная Осетия? Прежде всего, в высшем руководстве государства?

Вопрос этот тем более актуален, что газета «Республика» имеет бюджетное финансирование. Мы не зафиксировали какой бы то ни было реакции ни от профильного комитета Парламента РЮО, ни от кого бы то ни было из руководства Парламента. Не обнаружена реакция и со стороны Общественной палаты РЮО. Отмалчивается по этому поводу и ведущая по электоральной поддержке политическая партия «Единая Осетия», равно как и остальные партии. Никак не комментируется аланизм газеты «Республика» и в Госкомитете информации и печати Правительства РЮО (очевидно, не получая никаких указаний сверху). Всё это тем более непонятно, если принять во внимание, что со стороны Президента РЮО А. Бибилова неоднократно демонстрировалось ясное понимание сути аланизма. Так, в своём интервью 25 сентября 2018 года еженедельнику «Звезда» Президент заявляет: «Необходимость объединения юга и севера Осетии – это не мое желание, это национальная идея осетинского народа, за которую многие поколения отдавали жизни. Я убеждён, что альтернативы этому нет, не может один этнос развиваться независимо друг от друга, потому что это неизбежно приведет в будущем к отдельной самоидентификации, противопоставлению и противостоянию, как это сегодня наблюдается между русскими и украинцами» [11].

Более того, в другом интервью Президент использует более резкие и эмоциональные формулировки: «Если мы этого не сделаем, я очень боюсь, что получится, как с русскими и украинцами. Да, они все славяне, один народ, но мы видим, что творится.

Таким образом, Президент ясно указывает на ключевой, кардинальный фактор влияния: на необходимость воссоединения. «Я убежденный сторонник вхождения Южной Осетии в Российскую Федерацию, - подтверждает Президент свою принципиальную позицию. – При этом я уважаю мнение тех, кто за сохранение независимого статуса республики. Но те, кто искренне выступает за независимость Южной Осетии, должны задуматься над тем, почему их точка зрения совпадает с позицией Грузии, которая также против вхождения республики в состав России» [13].

Иными словами, открыто высказано, по сути, предупреждение сторонникам независимости о необходимости вовремя остановиться, отказаться от обслуживания интересов Грузии и её западных покровителей. Со своей стороны, будучи в данном случае свободными от необходимости соблюдения политкорректности, мы выражаем несогласие с Президентом в части уважения мнения сторонникам независимости: мы это мнение не уважаем, и более того, осуждаем как антиосетинское и антироссийское [8]. И речь не может идти о сотне лет: аланизм – угроза осетинской идентичности сегодняшнего дня. Остаётся непонятным, почему вся «вертикаль» югоосетинской власти, имея совершенно ясные, не оставляющие места для других толкований, президентские директивы по важнейшим проблемам и явлениям – тем не менее отмалчивается и бездействует. С учётом этого обстоятельства можно сделать достаточно уверенный прогноз о том, что предстоящие в апреле 2022 года президентские выборы будут для А. Бибилова непростыми. По нашему мнению, в складывающихся в Южной Осетии внутривнутриполитических условиях единственной гарантией успеха на этих выборах может и должно быть проведение референдума о вхождении в состав России – референдума, обещание о проведении которого было письменно зафиксировано перед прошлыми президентскими выборами. В таком случае именно работа по подготовке и проведению референдума может и должна стать общественным обсуждением.

В конечном счете, речь идёт о защите фундаментальных ценностей югоосетинской ветви осетинского народа, в том числе в противостоянии идентичностей в грузино-осетинском конфликте. В югоосетинской политологии это хорошо осознано: «Грузино-осетинское междоусобице противостояние, - пишет кандидат политических наук, заведующий кафедрой политологии и социологии Юго-Осетинского госуниверситета И. Санагоев, - также можно рассматривать как конфликт двух идентичностей, грузинской и осетинской. При этом под конфликтом идентичностей следует понимать, прежде всего, конфликт ценностных систем, поскольку «в последние годы вместо ценностей в качестве основания конфликта часто рассматривается идентичность, но смысл остается по существу прежним: направлены ли устремления участников конфликта на достижение чего-либо вполне осязаемого, конкретного, «земного», либо их мотивы могут иметь надличностный, культурно-исторический характер» [14. С. 63]» [15. С. 73]. Резюмируя, можно констатировать, что тринадцать лет спустя после отражения геноцидной агрессии режима М. Саакашвили и признания Республики Южная Осетия Россией в югоосетинском обществе отчётливо обозначается активность определённой политической группы, имеющая целью переделать осетин в алан, со своей новой этнорелигией и «независимым» Государством Алания.

Это очередной вызов, на который южным осетинам придётся ответить.

Библиографический список

1. Дзугаев К. Г. Южная Осетия: ирредентизм и идентичность (в производстве).
2. Дзугаев К. Г. Осетины в исторической ретроспективе (очерк этнокультурной идентичности) // Актуальные проблемы современности: наука и общество. № 4 (29), 2020. С. 54 – 58.
3. В Осетии идёт активное возрождение дохристианской веры уацдин. Её приверженцы конфликтуют с РПЦ // Такие дела. 26. 08. 2019; <https://takiedela.ru/news/2019/08/26/wacdin/>.
4. Обращение архиепископа Леонида по поводу письма православных в Северной Осетии // https://www.youtube.com/watch?v=dQ7P20I_Zfk.
5. Остаев С. Покровитель Уастырджы – небесная суть и земные проблемы или некоторые мысли в преддверии Уастырджыйы кув'н к'уыри // Республика. № 94 – 95, ноябрь, 2021.
6. Багаев М. Не пора ли, после возвращения стране названия – Алания наполнить форму содержанием? / Республика. № 81 – 82, октябрь, 2021.
7. Остаев С. Аланы и Всероссийская перепись населения // Республика. № 85 – 86, ноябрь, 2021.
8. Дзугаев К. Г. Аланизм как мания в горах и предгорьях... // Аналитический сайт «Интеллектуальные ресурсы» АС-ИР. 4. 11. 2021; <https://as-ir.ru/kosta-dzugaev/alanizm-kak-manija-v-gorah-i-predgorjah/>.
9. Руслан Бзаров. Итоговый компендиум Алана Чочиева // <https://www.youtube.com/watch?v=uJPaeCW0ZHU&t=185s>.
10. Бзаров Р. О том, как Алания присоединилась к России и почему стала называться Осетией // Республика, № 87 – 89, октябрь, 2021.
11. Анатолий Бибилов: «Объединение юга и севера Осетии – это национальная идея осетинского народа» // Сайт Президента Республики Южная Осетия; <https://presidentruo.org/anatolij-bibilov-obedinenie-yuga-i-severa-osetii-eto-nacionalnaya-ideya-osetinskogo-naroda/>.
12. Анатолий Бибилов рассказал о страшных последствиях нежелания осетин объединиться // Ныхас. 4. 08. 2018; http://www.nykhas.ru/539461/anatolij-bibilov-rasskazal-o-strashny/?fbclid=IwAR380Cgk_q17gHqTsj-WocDkt_FpQkQQq8r_U9Xfc4Kq-NjwZgnjOSGd9s.
13. Бибилов: разделение осетинского народа – историческая несправедливость // РЕС. 28. 12. 2017; <https://cominf.org/node/1166514297>.
14. Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. Ставрополь, 2001.
15. Санакоев И. Б. Этнический конфликт идентичностей в контексте национального самоопределения (на примере Южной Осетии и Грузии) // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. № 2. 2014.

Территориальная (региональная) идентичность: подходы к исследованию проблемы¹

Аккиева Светлана Исмаиловна

Доктор исторических наук, Институт гуманитарных исследований, Филиал Кабардино-Балкарского научного центра РАН (г. Нальчик), сектор этнологии и этнографии

Svetlana I. Akkieva

Doctor of Historical Sciences, Institute of Humanitarian research – branch of Kabardin-Balkar Scientific Centre of Russian Academy of Science (city of Nalchik), section of Ethnology and Ethnography

e-mail: asisma@yandex.ru

Теммиев Ислам Юсуфович

Кандидат политических наук, независимый исследователь, эксперт Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN), эксперт Распределенного научного центра (РНЦ) межнациональных и религиозных проблем ИЭА РАН

Islam YU. Temmoev

Candidate of Political Sciences, Independent Researcher, Expert of the Network for Ethnic Monitoring and Early Warning (EAWARN), Expert of the Distributed Research Center (RRC) for Interethnic and Religious Problems of the IEA RAS

e-mail: temmoev@bk.ru

УДК 379.8.092.2

Territorial (regional) identity: approaches to issues research

В статье обосновывается необходимость смыслового разграничения понятий «региональная идентичность» и «идентичность региона». Целью данной статьи является анализ различных методологических подходов к процессам регионализации и формирование общества с точки зрения региональной идентичности. Проблема региональной идентичности становится актуальной в связи с распространением в социальных науках конструктивистского подхода и формированием видения региона как «Относительное» социально-политическое пространство.

Ключевые слова: региональная идентичность, идентичность региона, институционализация региона, имидж региона, региональный дискурс, современная культура.

The paper substantiates the need for a semantic distinction between the concepts of "regional identity" and "identity of a region". The purpose of this article is to analyze various methodological approaches to the processes of regionalization and the formation of society from the point of view of regional identity. The issue of regional identity becomes relevant in connection with the spread of the constructivist approach in the social sciences and the formation of a vision of the region as a "relative" socio-political space.

Keywords: regional identity, identity of a region, institutionalization of the region, image of the region, regional discourse, modern culture

¹Статья подготовлена в рамках работы по проекту РФФИ – МОН РЮО «Территориальная идентичность: факторы, механизмы и инструменты формирования (сравнительный анализ субъектов Российской Федерации и Республики Южная Осетия)» в рамках Гранта РФФИ № 20-511-07004.

Региональная идентичность имеет достаточно давнюю традицию изучения в гуманитарных и социальных науках. К примеру, региональная идентичность многообразно интерпретировалась в контексте модернистских и постмодернистских понятий философии культуры. Региональная идентичность с точки зрения модернистского понимания основано на эссенциалистском подходе [1, с 195]. Поэтому ее развитие и формирование определено некоторыми объективными внешними факторами. Идентичность в данном случае носит тождественное понятие для всех членов регионального сообщества. В свою очередь, постмодернистская концепция подвергает сомнению очевидность большинства традиционных концепций. В том числе и самотождественность.

В культурологии региональная идентичность рассматривалась с двух точек зрения: первая точка зрения исходила из представления о схожести и незначительности межтерриториальных и межгородских контрастов в России, что базировалось на трудах историков С.М. Соловьева, М. Н. Погодина и др. Вторая точка зрения была диаметрально противоположной и ее «в разной форме и разное время Н. И. Костомаров, Д. Шелехов, М. Любавский, М. Грушевский, М. Покровский, А. П. Щапов, сибирские «областники» Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, позже — Л. Гумилев, В. Анучин. По мнению этих ученых, российским территориям была свойственна высокая степень индивидуализации общественно-экономической жизни на основе своеобразных географических и исторических условий местности» [2, с.35].

В политологии идентичность интерпретируется как «качество, которое является результатом индивидуального или группового самовосприятия в форме определенный предмет». По мнению российского ученого Г.В. Осипова, личность - это «самоидентификация человека или группы с определенной политической или социокультурное сообщество; интеграция человека и общества, их способность осознавать себя и отвечать на вопрос: «Кто я? такой?» [3, с. 94].

Региональная идентичность в данном случае анализируется как непрерывный процесс самоидентификации. Также региональная идентичность рассматривается как итог бесчисленных самоприписываний аскриптивной классификационной практики большинства людей. Сторонники этого подхода, считают [4, с. 34], что применение региональной идентичности в социальном сосуществовании, а также причисление себя и иных лиц к установленным и обозначенным категориям, именно и создает региональную среду в их организационном качестве. Подчеркивается, что региональная идентичность, например, может быть результатом взаимообъединения с определенными группами и отчуждением от других. Быть инструментом для изучения и овладения новых современных культурных практик.

А также подвергаться влиянию идеологических средств, с целью формирования имиджа и образа региона, зависеть от кратковременных и долговременных оснований. Но, не обращая внимания на появление разного рода концепций региональной идентичности, можно сказать, что до сей поры остается неопределенность, как со стороны содержательной трактовки этого явления, так и со стороны оценки его смысловой нагрузки. В определенных изучениях и анализах зачастую не проводится семантическое разграничение терминов таких, как «региональная идентичность», «идентичность региона», «имидж территории».

По мнению В.А. Тишкова при формировании образов региональной идентичности наиболее значимыми факторами выступают природный и культурный ландшафт, наиболее известные памятники природного и культурного наследия, исторические и политические события, связанные с географическими объектами, нанесенными на карте, знаменитые люди, чья биография и деятельность связаны с географическими объектами [5, с. 27].

В современной России региональный фактор имеет особое значение и исследователи отмечают, что «...роль регионального фактора не снижается, а лишь варьируется сообразно политической обстановке. В условиях глобализации и глокализации наблюдается, с одной стороны, ситуационные кризисы идентичности, с другой, — активация регионального потенциала и региональной идентичности. Изучение механизмов развития региональной идентичности и сценариев ее дрейфа становится важной задачей исследователей для предупреждения негативной идентичности и развития ресурсов многокультурности...» [6].

Существующие труды по региональной идентичности носят характер политической практики и территориального брендинга. Региональная идентичность, с точки зрения теории, рассмотрена и исследована не достаточно внимательно и углубленно. Это обстоятельство позволяет утверждать, что одним из первостепенных этапов в исследовании региональной идентичности является выявление ключевых понятий, которые соотносимы или связаны с этим феноменом. А также прояснение смысла и значения термина «региональная идентичность» и объяснение ее отличия от идентичности региона.

Стоит обратить внимание на теоретическое осмысление понятий терминов «региональная идентичность» и «идентичность региона» и их соотношение. Прежде всего, для обозначения семантического различия данных понятий, по мнению некоторых отечественных и зарубежных исследователей, в определенном понимании онтологического статуса региональной идентичности можно отметить две стороны, а именно, субъективную и объективную. В первом случае это вопрос идентичности, самоопределения регионального сообщества (отношение и взаимосвязь с субъектной идентичностью). Во втором случае речь идет об идентичности по отношению к другому (соотношение с понятием «имидж»).

По взгляду Г. С. Корепанова «в объективном плане региональная идентичность часто выступает как процесс интерпретации региональной уникальности, когда данный регион становится институционализированным в определенном виде сообщества. Этот процесс обусловлен и поддерживается дискурсивными практиками и ритуалами и состоит из производства региональных границ, системы символов, смыслов и институтов. Акцент делается на объединении людей по региональному признаку для выражения своих региональных (локальных) интересов в тех или иных сообществах вне прямой связи с территориальным делением. В субъективном плане региональная идентичность выступает как осознание интересов, индивидуальных когнитивных механизмов, мотивации индивидов, которые лежат в основе формирования межличностных связей; групповых и межгрупповых феноменов в терминах их преимущественного порождения коллективным региональным сознанием» [7, с. 16]. В этом случае под имиджем региона подразумевается совокупность медийных идей и обобщений, раскрывающих особенности территории, тиражируемых и передаваемых средствами массовой информации для получения определенных экономических и социально-политических изменений [8, с. 56]. Для понятия региональной идентичности в субъективном смысле также зачастую применяется термин «региональное самосознание».

К примеру, в интерпретации Г. М. Казаковой «региональное самосознание» - «осознание региональным сообществом своих нравственных ориентиров, идеалов и мотивов поведения, своих знаний, целостная оценка самих себя как мыслящих и чувствующих существ, выбор определенного способа своего бытия» [9, с. 17].

Разделение на субъективную региональную идентичность и на объективную имеется и в концепции исследователя из Финляндии А. Пааси. Исследователь отличает идентичность региона, как объект, который используется политиками, культурными активистами, девелоперами и т.д., от региональной идентичности, которая связана с принадлежностью человека или группы лиц к установленному месту [10, с. 239].

И.Я. Мурзина считает региональную идентичность, как связь или контакт, который ощущает житель определенного региона с местом его жизни и который настолько продуктивно оказывает влияние на существование человека, что сформировывается особенный типаж личности [11, с. 101]. В индивидуальной сфере идентификация обозначает, что человек испытывает привязанность к определенному региону и считает его отличным по своим отличительным характеристикам от иных регионов. Стоит отметить, что на первое место в данном случае выходят условия и критерии выделения именно своей территории, которые отличны от политических и административных. К примеру, система коммуникаций между людьми (культурная память, «картина мира»). Современные географы, к примеру, применяют способ исследования границ ментальных регионов, т.е. при опросе населения в анкетный лист, включается условная географическая карта, где опрашиваемых лиц просят указать территорию их «малой родины» [12, с. 28].

Социологические изучения и расследования ученых из Франции Чартон-Ваше и Ломбарта показывают, что лица, которые принимали участие в анкетировании, определяют свою принадлежность к регионам не как к административным образованиям, а как к «жизненному пространству» [13, с. 50].

Привязанность к региону, идентификация с ним также является частью индивидуальной / личной идентичности, так как она относится к процессам социализации человека внутри территориальных групп и ассимиляции региональных образов и представлений [14, с. 45]. К примеру, наши представления о нраве и структуре пространства формируются с детского возраста. Они определены географическими картами и нашим жизненным опытом передвижения в пространстве. Региональная идентичность в данном смысле трактуется как эмоциональная категория, которая предполагает чувство места и предрасположенности к нему в терминологии гуманитарной географии. Это субъективное знание о регионе, являющееся лишь определенными интерпретациями реального пространства, воспринимается его носителями как объективное и стабильное. К устойчивым представлениям в структуре региональной идентичности относятся, к примеру: представления об историческом развитии региона; представления о его освоении; культурные стереотипы, связанные с регионом. Это указывает на то, что регионы – это не просто результат целенаправленного определенных сил.

В таком контексте структуру региональной идентичности можно представить как четырехмерную, включающую когнитивную составляющую - географические образы, то есть стабильные пространственные представления определенном регионе, которые формируются на бытовом и профессиональном уровне; ценностная составляющая - переживаемые и воспринимаемые смыслы и ценности конкретного регионального сообщества, сопровождаемые оценкой качества их собственной региональной инаковости; эмоциональная составляющая - стандартные стереотипы эмоциональной реакции жителей региона на определенные ситуации, интенсивности реакций, преобладающих эмоций; регуляторная составляющая - это склонность к конкретным действиям, методам поведения и ориентации в региональном пространстве.

Эта результирующая структура разрешает проанализировать региональную идентичность в философском и культурном смысле как образное, оценочное, эмоциональное и поведенческое «развитие» регионального пространства субъектом. Понятие региональной идентичности является сложным, так как оно относится не только к процессам региональной идентификации и к процессам регионального самосознания, но и к характеристикам самого региона [15, с. 415].

По исследованию А. Пааси, называется идентичностью региона и подразумевает намеренное создание образов региона, отличающих его от иных регионов. Если региональная идентичность воспроизводится самопроизвольно, тогда идентичность региона является продуктом решений интеллектуальной и политической элиты, часто научного сообщества, а также коммуникативной категории, зависящей от маркетинговых стратегий. Она состоит из образов, регулярно продуцируемых в СМИ, а также в научно-учебной литературе. К. Линч подчеркивал, что «существует возможность усилить образ или переучив наблюдателя, или перестроив окружение» [16, с. 475].

В определенный момент один из множества конструкторов может зафиксироваться политическими субъектами, которые из всевозможных образов региона избирают один, а другие регионы маргинализируют. Процесс институционализации совершенного и безупречного образа региона начинается с пространственной структуры страны, норм и правил политико-территориальной организации, символического пространства. Таким образом, идентичность региона служит средством выстраивания различий между одним регионом и другим и включается в профессиональный брендинг. Кажется, что региональная идентичность может быть строго определена только как региональная принадлежность или привязка региональных субъектов к предназначенной территории. В отличие от жителей регионов, сами регионы как административные образования лишены сознания. Следовательно, идентичность региона следует определять как социальный конструкт со своими формирующими чертами: как только совершается акт предопределения уникальности и особенностей территориальных сообществ, они символизируются, они начинают существовать в объективированном состоянии, а построенные изображения региона воспринимаются как естественные и предопределенные. В более полной форме эта концепция получила развитие в научных трудах финского исследователя А. Пааси [17, с. 105].

Он связывает и объединяет формирование регионов и возникновение их идентичности в основном с институционализацией регионов. Региональная идентичность и региональная идентичность концептуализируются, как исторически развернувшиеся образования, сформированные под влиянием, как внутренних, так и внешних факторов. Несомненно, в процессе институционализации регионы обретают свои определенные границы, символические структуры и институты. Категория идентичности объединяет элементы, которые становятся значимыми в процессе институционализации. В модели, представленной финским исследователем А. Пааси, институционализация регионов проходит в четыре этапа. Хотя эти этапы могут различаться [18, с. 121].

Первый этап включает в себя осознание и формирование территории, процесс, посредством которого регион воспринимается в определенных границах. Территориальное оформление может быть исторически обусловленным (что типично для ситуации «старого регионализма») или быть изобретенным сейчас («новый регионализм»). Данный этап можно назвать борьбой за определенный географический образ.

Второй этап предполагает обретение регионом концептуальной формы и его требование на символическое оформление. Данный этап предполагает разработку стратегии «символического производства» региона. На этом этапе дается название региона, используются определенные региональные символы (флаги, гербы, гимны, памятники и т. п.). данные символы проявляют и увеличивают региональную идентичность. Название региона основано на культурных, исторических и политических интересах. Топонимы, в свою очередь, взаимосвязаны с ландшафтом, в них зашифрована коллективная память. Выбор «иконографии» региона, по словам А. Пааси, - процесс постоянно оспариваемый [19, с. 802].

На третьем этапе появляются региональные институты (образовательные, политические, региональные художественные организации, спортивные клубы и т.д.), которые служат увеличению регионального самосознания региона. Четвертый и заключительный этап предусматривает закрепление региона в пространственной структуре и массовом сознании. Признание региона жителями и аутсайдерами предполагает развитие борьбы, как за власть, так и за ресурсы (что проявляется в деятельности региональной политической элиты), а также формирование региональных дискурсов и соответствующих им социальных практик. А. Пааси оценивает эту ситуацию, как «картографическое беспокойство» (*cartographic anxiety*) [18, с. 129], выделяя важность географической информации конструирования региональных миров.

К этому моменту предназначение и положение региона уже достаточно стабильное и определенное. Ван Клустер и А. Пааси рассматривают институционализацию региона как четырехэтапный процесс. Но исследователи отмечают, что идентификации субъекта с регионом нет на первом этапе институционализации. До сих пор нет четкого понимания характеристик, которые отличают один регион от другого. Отличительные особенности, по мнению исследователей, выявляются только лишь на втором этапе, совместно с возникновением региональных дискурсов и репрезентаций. На третьем этапе возникает региональный активизм, в результате борьбы за улучшение положения или условий в регионе. Региональный активизм зачастую носит политический характер. Заключительный этап предполагает закрепление региона в массовом сознании, как уникального, редкостного, устойчивого и стабильного образования [20, с. 201].

К. Зиммербауэр [20, с. 254] считает, что в данной концепции нет пятого этапа, включающего в себя понимание о происходящем в регионе положении после его институционализации. Данный вопрос осветился в работе Г. Раагмаа [21, с. 55]. Ученый отметил два пути развития региона после процесса институционализации. Первый путь - реконструкция и модернизация региона, его физическое и символическое изменение. Второй путь – деинституционализация, исчезновение региона в течение процесса региональной реструктуризации. Данный процесс может случиться, на пример, в результате территориально-административных изменений. Поэтому ошибочно считать регионы стабильными после их институционализации. На сегодняшний момент регионы, как административные единицы, зачастую пропадают в результате политических изменений и вновь восстанавливаются. Регионы могут не исчезать в политических процессах. Они могут быть «регионами-призраками». К. Зиммербауэр обозначает «регионами призраками» муниципалитеты в Финляндии.

Из всех аргументов, представленных зарубежными исследователями, можно выделить и отметить некоторые общие моменты:

- они сочетают коллективный аспект региональной идентичности с тем фактом, что идентичность региона в большей степени конструируется с помощью общих символов, что делает процесс институционализации регионов символическим и лингвистическим [22, с. 45];
- поиск уникальности и отличительности через них рассматривается как существенный фактор формирования идентичности регионов.

По мнению М. Китинга, «регион может иметь исторический резонанс, или выражать идентичность его жителей. Он может представлять ландшафт, архитектуру или способ приготовления еды. Он включает в себя культурный элемент, представленный особым языковым диалектом. Регионом может называться экономическое сообщество, политическое или административное единство» [22, с. 11]. Создание регионального имиджа и формирование идентичности региона оказываются в основе своей схожими процессами, поскольку оба они включают создание территориальных границ, символов и институтов.

Фундаментом имиджа региона, как и региональной идентичности, является процесс отделения одного региона от другого. В то же время важным усилением самобытности региона является не только культурная самобытность региона, но и фискальная автономия, агрессивное утверждение которой иногда основывается на динамичном экономическом развитии регионов. В процессе интерпретации региональной идентичности регион институционализируется в определенном типе сообщества.

В этом случае, идентичность анализируется как конструкт, и главное внимание уделяется анализу дискурсивных практик, определяющих ее и обозначающих территориальные различия [23, с. 32]. Поэтому, идентичность региона может быть определена как коллективно созданный дискурс с географической привязкой. Подобно региональной идентичности, идентичность региона также можно структурировать. В данном случае структурными компонентами идентичности региона являются дискурсивные системы, различающиеся по форме и уровню существования.

К примеру, появляется возможность проанализировать идентичность региона, это:

- с одной стороны – совокупность мифологических, художественных, политических, научных, философских дискурсов о регионе;

- с другой стороны - система представлений на «низовом» и «официальном» уровнях. Поэтому, с точки зрения онтологии, по мнению С. Хантингтона, региональная идентичность в контексте философии культуры может быть проанализирована двояко. На первый взгляд, это проявляется как самоопределение регионального сообщества в современной культуре, включая познавательное, ценностное, эмоциональное и регулирующее отношение к занимаемой территории. И, во-вторых, региональная идентичность проявляется как идентичность региона. Она находится в форме коллективного дискурса, и взаимосвязана с понятием «имидж региона» [24, с. 50].

В обоих случаях, при формировании и функционировании региональной идентичности, оказывается важным наличие условно-формализованных способов говорить о территориальной и региональной идентичности, которая становится существенной частью определения субъектом своей региональной принадлежности на индивидуальном уровне.

Планы по усовершенствованию имиджа региона развиваются вокруг процесса самопрезентации себя, как привлекательной территории для экономических и бизнес проектов, а также для развития спорта и туризма. Идея создания государственно-частного фонда обсуждается с 2008 года для поддержки имиджа республики как привлекательного региона для инвестиций. Полагается, что фонд будет сформирован при поддержке экономики и предпринимательского сообщества Республики Дагестан для реализации программы на 2008-2010 годы с целью создания имиджа Дагестана как благоприятного для инвестиций региона. Работа над имиджем оглашена и в Стратегии развития Республики.

Причины символического самоопределения региональной самобытности, уникальности и неповторимости напрямую взаимосвязаны с: положением республики (южный континентальная граница между Европой и Азией - южный военно-политический форпост РФ); демографическим фактором (слияние национальностей, преобладание у большинства населения преимущественно жизненно важных ценностей исламской веры и их духовная ориентация на страны Ближнего и Среднего Востока) определяющим роль региона как «страны гор» - непосредственный посредник восточной и западной культуры, исламского и православного мировоззрения [25, с 40].

Назначением региона (цель республики как составной части РФ) является ведение диалога и процесса торговли с соседними мусульманскими странами, а также функция военного форпоста на юге РФ. Одним словом, стать форпостом на южной стороне России в консолидирующем транспортном, торговом и политическом аспекте взаимодействия со странами Каспийского региона, обеспечивая при этом богатые возможности и конкурентоспособные продукты другим регионам Южного федерального округа в сфере: отдыха и туризма; производства и переработки сельскохозяйственной (экологической) промышленной продукции. Данного рода процессы самоидентификации происходят также и в Чеченской Республике.

Одним принципиальным идентификационным фактором для чеченского народа является суннитский ислам. Имидж мусульманского региона основательно поддерживают и продвигают региональные элиты.

Своеобразие народов Чечни напрямую связано с их характером. К примеру: большая сила воли, мужество; отвага; благородство; упорство; стойкость. Все особенности чеченского характера можно выразить одним словом – «нохчалла». В данное слово включена вся палитра моральных, нравственных и этических норм жизни чеченца. Можно даже сказать, что это является чеченским «кодексом чести». Этот «кодекс чести» прописывает такие характерные черты характера и поведения чеченского народа, как к примеру: справедливость, уважение к людям (независимо от возрастной категории и социального статуса человека), честь, гордость, вера, дружба, вежливость, гостеприимство, сдержанность, уважение к женскому полу. Изложение основано на принципе притч и выводе формул характера [26, с. 37].

Например, мужчина подчеркивает уважение к родственникам своей матери или жены, слезая с лошади прямо у въезда в деревню, где они живут. Отмечается и особое отношение к защите Отечества: «должен помнить о том, что для него Отечество, личное достоинство и честь дороже жизни» [27, с. 10]. Следует подчеркнуть, что восприятие «кодекса чести» не ограничивается отношением к нему, как определенный набор рекомендаций. Каждый настоящий чеченец, следует правилам, указанным в кодексе, сознательно и по собственной воле. Эта концепция содержит формулу того, как должен выглядеть настоящий чеченский народ [27, с. 6].

В обобщенном виде эти принципы рожают тип гордого чеченца – «горца», у которого есть твердые жизненные принципы и которые он неукоснительно будет отстаивать и защищать. Образ «опасной территории» исходит и на Северную Осетию, ставшую ареной печальных происшествий в Беслане. Власти региона также не обходят вниманием вопрос выработки стратегии позиционирования. Разработка информационной концепции для продвижения репутации республики и реализация стратегии информационного позиционирования Северной Осетии в настоящее время являются одним из приоритетов Республики Северная Осетия-Алания [28, с. 2]. Однако содержание наполнителя имиджевой политики неясно. Заявленная миссия региона через образ «ворот» не отличается от иных южных республик: «Стратегический регион России, ее «южные ворота». Данный регион с цивилизованными транспортно-логистическими функциями, благотворный для туризма и отдыха, доброжелательный, благоустроенный и комфортабельный для проживания» [29, с. 109].

Стратегическое предназначение в особенности отмечается при рассмотрении истории столицы региона, которой является Владикавказ, как «военного города», изобилующего «славными традициями города-крепости», «важнейшей крепости на всей Кавказской линии» [30, с. 56]. Недаром в 2007 году в начале октября указом президента РФ Владикавказу присвоено почётное звание РФ «Город воинской славы». Принцип связующего элемента России и Закавказья, восполняется и пополняется ориентацией на Россию: «Вхождение в Россию было массовым, народным «проектом» - чем собственно, и обусловлена глубина интеграции в российское общество». Региональное сообщество выходит за рамки республики.

Идея братской Южной Осетии и разделенного народа: «Зафиксирована нелепая ситуация, когда народ оказался разделенным, причем живущий не на большом расстоянии, а рядом», «У нас нет политических границ, как между Северной и Южной Кореей. У нас нет этнических границ, как на Кипре. Две республики - один народ» [31, с. 24].

«Жемчужина Кавказа, республика мира и добра» - именно таким образом представлены отличительные черты Кабардино-Балкарской Республики в видеозаписи, которая размещена на официальном сайте. Горы захватывают почти половину всей площади республики. Данный факт, с одной стороны, не может не отразиться на нраве жителей. Но с другой стороны, горы являются символическим атрибутом данного региона. Самая высокая точка Европы и Кавказа, гора Эльбрус (5 642 м.). Это важнейший символ региона, который именуется Приэльбрусье. Двуглавый Эльбрус, можно увидеть на флаге Кабардино-Балкарии. К тому же, Эльбрус, на сегодняшний день, считается основой экономического роста республики. Ядром стратегии формирования и усовершенствования региона до 2022 г. считается образование туристско-рекреационной зоны в Приэльбрусье.

Основой стратегии развития региона до 2022 года является создание туристическо-рекреационной зоны в Приэльбрусье. Этот же проект один из приоритетов развития всего Юга России, включенный в федеральную целевую программу финансирования.

Совершенствование и прогрессирование символа Эльбруса приметно абсолютно во всех символически важных мероприятиях региона. Например, в момент продвижения Деда Мороза как символа Олимпийских игр в Сочи - 2014 (приуроченных к 860-летию Великого Устюга, Вологды, Москвы и 450-летию добровольного вхождения Кабардино-Балкарии в состав РФ), Дед Мороз поднялся на Эльбрус и сверху поздравил всех россиян с победой в Сочи. Вершиной позиционирования Эльбруса стала организация за право находиться в числе семи чудес России. Общие мотивы компании - представление о высоте горы, которая стала популярнейшим местом для спортивного туризма. Одним словом край «туризма, альпинизма и горных видов спорта».

В настоящее время концентрация исследований местной идентичности в научных терминах постепенно смещается от описания ее конкретных проявлений (мифов, «священных мест, пространственных и географических образов, визуальных представлений») к попыткам восстановить механизмы их существования и воспроизводства »(пространственные феноменология, восприятие, воображение, память), ностальгия, меланхолия и др.), что является особой проблемой для исследователей [31, с. 18].

Здесь раскрываются пределы роста фактических описаний, и здесь могут быть полезны идеи о коллективной идентичности в сознании концепций западных мыслителей Б. Андерсона, Мерло-Понти, М. Фуко. Сегодня, анализируя конкретные локальные идентичности, исследователи, уходят в основном от понятий «локальный», «территориальный», «региональный». Это вполне разумно, учитывая концептуальную роль «локальности» в региональной идентичности, но пространство - это не только расположение вещей, но и система коллективных представлений.

В этом смысле взаимодействие традиции изучения региональной идентичности с исследованиями, вытекающими из идеи «коллективной идентичности», «ментального пространства», то есть с направлениями даже не с культурного уровня, а скорее философскими и антропологическими, является эвристически многообещающим [32, с. 3].

Таким образом, выявление типичных черт жителя Северного Кавказа связывают, прежде всего, с населением кавказских республик, для которых характерно влияние национально-религиозного фактора. Акцент идентичности выражается в культуре местных традиций и обычаях и отображается в символе региона.

На этом фоне выделяется Ставропольский край, вынужденный определять себя через компонент толерантности и позиционировать себя через приближенные к Краснодарскому краю типы «житницы, здравницы». Внешнее отношение к территории как «опасной стране» - важный стимул, который мобилизует сообщество и укрепляет волю соотечественников к исправлению ситуации посредством активной и миджевой политики. В то же время общий природный символ Кавказа объединяет все вышеперечисленные регионы, каждый из которых по-своему продвигает этот детерминант идентичности.

Библиографический список

1. Cohen A. P. Culture as Identity: An Anthropologist's View // *New Literary History*. Vol. 24, № 1. Culture and Everyday Life. Winter 1993. P. 195–209.
2. Казакова Г. М. Проблемы становления российской региональной идентичности в исторических реалиях и научном культурологическом знании // *Вестник МГУКИ*. 2009. № 1 (27). С. 34–40
3. Осипов Г. В. Социологический энциклопедический словарь. – М., 2000.
4. Brubaker R., Cooper F. Beyond «Identity» // *Theory and Society*. 2000. № 1. P. 1–47.
5. Малькова В. К., Тишков В. А. Культура и пространство. Кн. 1.: Образы российских республик в интернете. — М.: ИАЭ РАН, 2009. - 147 с.
6. Головнева Е. В. Региональная идентичность как форма коллективной идентичности // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*. 2013. № 5. С. 42–50.
7. Корепанов Г. С. Региональная идентичность как объект социологического анализа // *Социология в современном мире: наука, образование, творчество*. 2009. № 1. С. 16–23.
8. Морозова Т. А. Медиатизация технологий конструирования имиджа города: автореф. дис. докт. филол. наук. Краснодар, 2013.
9. Казакова Г. М. Российская региональная идентичность: культурологический дискурс // *Вестник МГУКИ*. 2008. № 6. С. 16–20.
10. Paasi A. Deconstructing regions: notes on the scales of socio-spatial life // *Environment and Planning*. 1991. A 23. P. 239–254.
11. Мурзина И. Я. Региональная идентичность и региональное самосознание // *Дискурс-Пи*. 2003. Т. 3, № 1. С. 101–104.
12. Крылов М. П., Гриценко А. А. Региональная и этнокультурная идентичность в российско-украинском и российско-белорусском порубежье: историческая память и культурные трансформации // *Лабиринт: Журнал социально-гуманитарных исследований*. 2012. № 2. С. 28–42.
13. Charton Vachet F., Lombart C. New conceptual and operational approach to the link between individual and region: regional belonging // *Recherche et Applications en Marketing*. 2015. Vol. 30(1). P. 50–75.
14. Линч К. Образ города / пер. с англ. В. Л. Глазычева. М., 1982.
15. Jones A. Narrative-Based Production of State Spaces for International Region Building: Europeanization and Mediterranean // *Annals of the Association of American Geographers*. 2006. Vol. 96. P. 415–431.
16. Paasi A. Place and region: regional identity in question // *Progress in Human Geography*. 2003. Vol. 27, № 4. P. 475–485.
17. Paasi A. The institutionalization of regions: a theoretical framework for understanding the emergence of regions and the constitution of regional identity // *Fennia*. 1986. № 164. P. 105–146.
18. Paasi A. The Resurgence of the “Region” and “Regional Identity”: Theoretical Perspectives and Empirical Observations on Regional Dynamics in Europe // *Review of International Studies*. 2009. Vol. 35. S1. P. 121–146.
19. Paasi A. Place and region: regional worlds and words // *Progress in Human Geography*. 2002. Vol. 26, № 6. P. 802–811.

20. Zimmerbauer K. From image to identity: building regions by place promotion // *European Planning Studies*. 2011. №19(2). P. 243–260.
21. Raagmaa G. Regional Identity and Social Capital in Regional Economic Development and Planning // *European Planning Studies*. 2002. Vol. 1, Iss. 10. P. 55–76.
22. Keating M. The new regionalism in Western Europe: territorial restructuring and political change. Cheltenham, 1998.
23. Sarup M. Identity, culture and the postmodern world. Edinburgh University Press, Edinburgh, 1996.
24. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. – М., 2004.
25. Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Идентичность в системе координат мирового развития / *Полис*. – 2010. – № 3.
26. Гидденс Э. Модерн и самоидентичность // *Современные социологические теории*. – М., 1991. – С. 37-38
27. Пантин В.И., Семенов И.С. Проблемы идентичности и российская модернизация // *Поиск национально-цивилизационной идентичности и концепт «особого пути» в российском массовом сознании в контексте модернизации*. – М., 2004.
28. Рабочая группа ИС РАН. Российская идентичность в социологическом измерении // *Полис*. – 2008. – № 1-3.
29. Шикова Р.Ю. Место гражданской идентичности в идентификационной матрице россиян // *Философские, научные и духовно-нравственные проблемы глобализации*. – М., 2009.
30. Пушкин А.С., Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года, первое издание. – «Современник», 1836. – 500 с.
31. Шикова Р.Ю. Идентичность молодежи в условиях социокультурной трансформации. – Майкоп, 2010.
32. Галлямов Р.Р. Этнический и религиозный аспекты гражданской идентичности в Башкортостане – М., 2009.

Этнополитическая ситуация в Саратовской области: современные тенденции¹

Барышная Наталия
Александровна

Доктор социологических наук,
профессор кафедры государственного
управления и права, Балаковский
филиал РАНХиГС

Natalya A. Baryshnaya

Doctor of Sociological Sciences, Professor
at the Department of Public Administration
and Law, Balakovo Branch of RANEPA

e-mail: baryshnayan@yandex.ru

УДК 314.7

Ethnopolitical situation in the Saratov region: contemporary trends

В статье рассматриваются вопросы этнодемографического воспроизводства и структуры населения Саратовской области. Оценивается уровень конфликтогенного потенциала и дается оценка его структуры. Проводится анализ действующей миграционной политики в регионе.

Ключевые слова: территориальная идентичность, демография, миграция, конфликтогенный потенциал, социальная структура.

The paper considers the issues of ethno-demographic survival and stratification of the Saratov region population. The conflict potential is measured and its structure is estimated. The current migration policy in the region is analyzed.

Keywords: territorial identity, demography, migration, conflict potential, social structure.

Численность населения Саратовской области продолжает неуклонно снижаться. Согласно официальной статистике, Саратовская область является одной из лидирующих регионов, население которых идет на спад. Количество смертей в области превышает рождаемость почти в 2 раза [1] (Рис.1).

Саратовская область по итогам 2021 года заняла девятое место среди самых вымирающих регионов России. Разница между числом родившихся и умерших в регионе достигла 20 864 человек. По скорости убыли населения регион в 2020 году был вторым в России после Нижегородской области.

По итогам первого полугодия 2021 года Саратовская область возглавила список регионов РФ, которые наиболее стремительно теряют население. Всего за 6 месяцев 2021 года естественные и миграционные потери Саратовской области достигли 16 221 человека [2].

«Самое печальное — рождаемость и убыль населения. У нас убыль населения по Балашовскому району — в 3 раза больше рождаемости. Если говорить о Романовском районе — в 4 раза, в Самойловском — в 3 раза. Это вызов нам, это претензия и, если хотите, оценка тем, кто должен решения принимать, чтобы создать условия для рождения» [2].

¹Статья подготовлена в рамках работы по проекту РФФИ – МОН РЮО «Территориальная идентичность: факторы, механизмы и инструменты формирования (сравнительный анализ субъектов Российской Федерации и Республики Южная Осетия)» в рамках Гранта РФФИ № 20-511-07004.

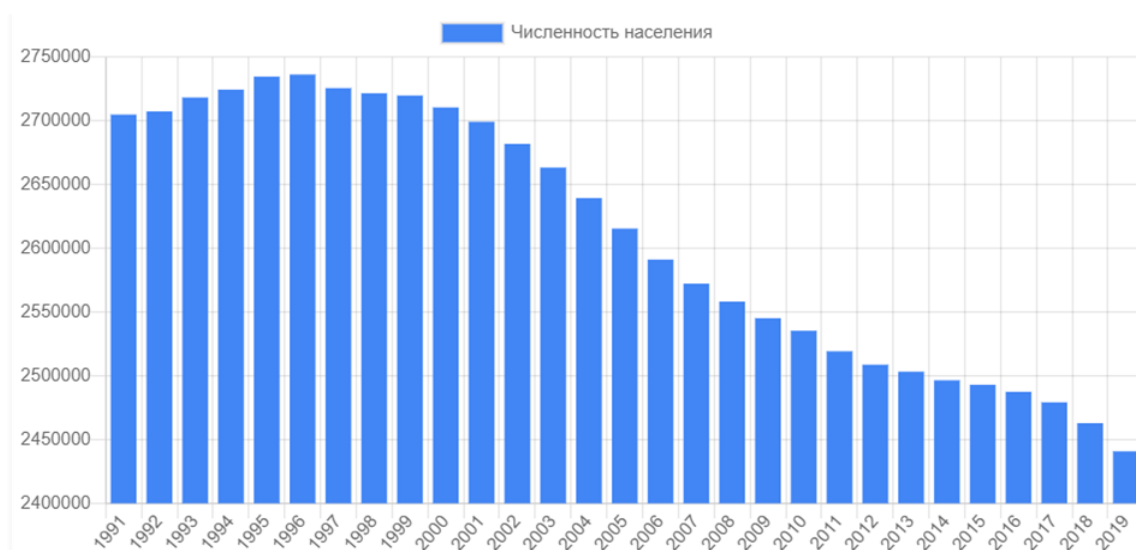

Рис.1. Динамика численности населения Саратовской области

Характерна и структура демографических процессов. На фоне снижения численности населения Саратовской области, в целом, можно отметить возрастающий рост урбанизации. Причем урбанизация происходит не за счет естественного воспроизводства, а в основном, за счет внутриобластной миграции – переезд жителей сел в города, с последующим эффектом рурализации местного населения. Как следствие - отсутствие «культуры городов» - вандализм, потребительское отношение к общественной собственности, антикультура отдыха (Рис.2).

Рис.2. Динамика численности городского населения Саратовской области

Внутренняя миграция основывается на переездах из маленьких городов в административный центр. Это обусловлено тем, что в других, менее крупных городах области крайне мало возможности профессионального обучения, дальнейшего трудоустройства. Большую часть приезжего населения из других городов в административный центр составляют студенты.

Кроме этого, наблюдается стремительное снижение заключений браков и высокий уровень бракоразводных процессов. Власти никак не комментируют статистику в отношении браков и рождаемости, складывающуюся годами. Однако сами жители области рассказывают о причинах большого количества разводов. Как правило, это невозможность сожительства, в том числе из-за жилищных условий. Больше половины молодых семей разводятся только потому, что не могут приобрести собственное жилье, что накладывает огромные ограничения на семейную жизнь.

Так, большое количество браков заключается между молодыми людьми от 18 до 20 лет. В связи с этим уже буквально через полгода - год происходит большое количество разводов. По данным ЗАГСов в первый год после свадьбы распадается 40-70% семей.

Многие жители считают, что администрации городов и области не создает должные условия для роста молодых семей. Малый процент новых (финансово доступных, даже под ипотечные кредиты) домов (квартир) не дает возможность парам приобретать жилье, из-за чего почти 80% откладывают бракосочетания. Оставшиеся 20% приходится на пары, решившие переехать в другой регион, область.

Кроме того, малый объем рабочих мест и низкая востребованность специалистов узкой направленности не дает возможности многим молодым людям найти достойную работу.

Так, средняя заработная плата молодых людей после института (получения диплома о высшем образовании) составляет 18-20 000 рублей в месяц. Большая часть этих средств уходит на оплату коммунальных услуг, если молодые люди живут одни. В таких условиях очень сложно строить семейную жизнь и развиваться.

Еще одним из ключевых факторов, характеризующих современные тенденции развития территории Саратовской области, является рост этнокультурного разнообразия в регионе.

Оценивая текущую этносоциальную структуру Саратовской области можно отметить следующее. Доминирующей этнокультурной группой являются русские, занимая примерно 85% от общего числа граждан. Далее идут: Казахи 2.9%, Украинцы 2.5%, Татары 2.16%, Армяне 0.9%, Мордва 0.6%, Азербайджанцы 0.6%, Чувашаи 0.6%. Помимо указанных национальностей в регионе присутствует еще три десятка различных народов, составляющих меньшинство от общего числа.

Как правило, большая часть национальностей приходится на приезжих из стран Ближнего Востока и Средней Азии. Многие из них приезжают на работу, проживая в регионе до полугода. Малое количество остается в Саратовской области, оформляя документы на постоянное место жительства и регистрацию. Необходимо отметить, что представленная этносоциальная структура в основном базируется на Переписи 2010. Современную картину этнокультурного разнообразия дадут результаты проведенной в 2021 году Переписи населения.

Из-за отсутствия достаточного объема мест широкого профиля применения своих навыков и знаний граждане Саратовской области предпочитают переехать в другой регион, чтобы найти работу по своей специальности. По экспертным оценкам, почти 40% мужского экономически активного населения Саратовской области работают в г. Москва, Московской области, Санкт-Петербурге либо вахтовым методом на Крайнем Севере, где промышленность, газо- и нефтедобыча более развиты и востребованы, а уровень оплаты труда в разы выше, чем в Саратовской области.

Отсутствие соответствующих условий для развития малого бизнеса вынуждает местных молодых, активных, креативных предпринимателей переезжать в другие области и города, где есть все необходимое для успешного развития и масштабирования собственного бизнеса.

Освободившиеся сектора занятости практически сразу заполняют представители из числа жителей бывшего СНГ. Это в основном представители Средней Азии, Северного Кавказа и Закавказья. Это, в свою очередь, влечет за собой рост этнокультурного разнообразия, что не может не сказываться на взаимоотношениях между разными группами, проживающими на территории Саратовской области, - доминирующим этнокультурным «большинством» и «приезжими».

Опираясь на исследования, проводившиеся в Саратовской области в 2020 и 2021 годах, можно показать отношение жителей Саратовской области к приезжающим в регион на работу либо на постоянное место жительства из других субъектов России и стран бывшего СССР [3].

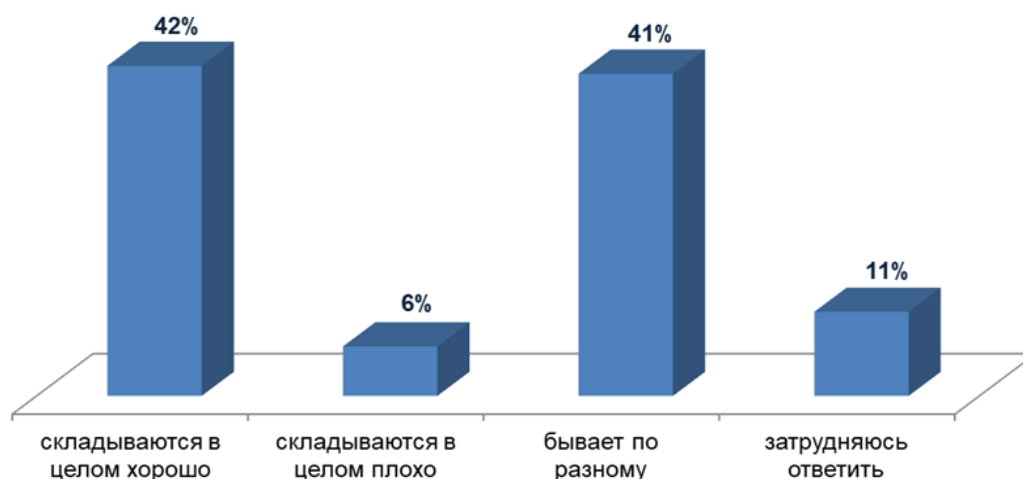

Рис.3. Каковы в Вашем регионе отношения между национальностями?

Анализируя оценку жителями Саратовской области отношений между представителями разных этнических групп, можно сказать, что четко выделились две точки зрения (Рис. 3). 42% населения региона показали, что отношения складываются, в целом, хорошо, то есть межнациональная ситуация спокойная и благополучная, не вызывающая особого социального напряжения. Вместе с тем 41% респондентов дали противоречивую оценку складывающимся отношениям. 6% придерживаются позиции, что ситуация напряженная и отношения складываются в целом плохо.

Эффект «прошлых» бытовых противоречий, имеющих под собой межэтнический контекст, даёт о себе знать в Пугачевском, Ивантеевском и Ершовском районах. Особенностью текущей ситуации также является повышенная тревожность в оценке межнациональных отношений в крупных городах – Саратове, Энгельсе, Балаково. Данный факт объясняется большей частотой межличностных контактов в городах, повышенной стереотипизацией восприятия, при которой этничность становится одним из маркеров повседневной классификации окружающих.

Данные официальной статистики и результаты исследований показывают, что, с одной стороны, именно современные города являются «центрами притяжений» современных миграционных потоков (более высокие заработные платы, широкий выбор альтернатив работы и т.д.), а, с другой, сами города, обладающие собственным, уникальным социально-культурным контекстом, влияют на формы и интенсивность межэтнического взаимодействия. Малые сельские поселения обладают иной особенностью. Здесь, практически, все знакомы друг с другом, интенсивность контактов хоть и небольшая, но она компенсируется глубиной общения. Последнее определяет не только степень эмоциональной привязанности, но и мощнейший мобилизационный социальный (политический, культурный) аспект.

Характерной особенностью последних десятилетий является скрытая, а иногда и открытая неприязнь к представителям северокавказских республик (Рис. 4). Несмотря на то, что эти республики являются частью Российской Федерации и их граждане обладают всеми правами гражданина России, социальные и психологические травмы конца 1990-х середины 2000-х годов, часто подпитываемых СМИ, кинофильмами, отдельными интернет-источниками проецируют негативное отношение к их представителям. Так, по оценке респондентов, в целом по региону, 40% жителей отрицательно относятся к [потенциальным] приезжим из республик Северного Кавказа.

На втором месте «неприятя» стоят выходцы из Юго-Восточной Азии - китайцы, вьетнамцы, корейцы. Причем в публичном пространстве эта группа практически не представлена. Данная точка зрения сформирована в основном, на основе федеральных СМИ и социальных сетей.

Другим важнейшим направлением миграционной политики и связанной с ней региональной этнополитики становится обеспечение интеграции мигрантов в жизнь городов/поселений области.

Рис.4. Как Вы относитесь к тому, что в Саратовскую область приезжают жить и работать представители следующих национальностей?

Для региональных работодателей поддаться существующей в регионе мигрантофобии – значит потерять рабочую силу из стран СНГ, наиболее адаптированную к условиям России, которая составляет основной контингент приезжающих в регион.

В этом контексте характерным выглядит отношение к реализуемой в регионе миграционной политике. Так, на вопрос: «Какие действия правительства Саратовской области по отношению к мигрантам получили бы Ваше одобрение?» больше половины опрошенных считают, что мигрантов не нужно привлекать специально, но и не отказывать тем, кто уже приехал. При этом, почти треть (27%) считают, что мигрантов нужно вообще не принимать и выселить тех, кто уже приехал (Рис. 5).

Рис.5. Какие действия правительства Саратовской области по отношению к мигрантам получили бы Ваше одобрение?

Подобное распределение отражает существующую социальную схему, при которой значительная часть жителей воспринимает появление мигрантов («иных») как угрозу существующему порядку, как потенциальный рост конкуренции на рынках занятости, ощущает страх перед возможным изменением «культурного ландшафта». Отчасти, именно поэтому предпочтения в оценках действий Правительства Саратовской области по отношению к мигрантам, которые получили бы поддержку населения, выглядят следующим образом.

С точки зрения большинства опрошенных респондентов (52%), как правило, не имеющих прямых контактов с «мигрантами», нет необходимости проведения особой политики по отношению к миграционным сообществам. Основная масса населения считает, что власть не должна привлекать мигрантов специально, но и не отказывать тем, кто уже приехал. По сути, речь идет о том, что региональная власть не должна вносить в современную повестку дня вопросы артикуляции миграционной политики, но при этом, соблюдая правовые нормы в отношении недавно прибывших. За активное привлечение мигрантов из-за рубежа выступает всего 4% респондентов. В основном это представители творческой интеллигенции и бизнесмены.

За активные действия по ограничению въезда на территорию региона мигрантов выступает почти треть населения. Столь высокий уровень фиксируемой мигрантофобии подтверждает тезис о том, что доминирующие культурные, дискурсивные практики определяют систему социальных отношений, в которой «нет места» тем, кто привносит «иное», перестраивая и видоизменяя привычный для большинства населения мир (публичный и приватный).

Подводя итоги вышесказанному, следует заметить очень важный аспект. Руководство региона не замечает, не смотря на тотальное снижение численности населения, что идет неуклонный рост этнокультурного разнообразия под влиянием миграционных процессов. Не учитываются тренды формирования моноэтнических поселений, формирование этнокультурных анклавов в городах (цыгане, азербайджанцы и т.д.) – этнокультурного замещения, которое в свою очередь требует постоянной модификации региональной национальной политики и совершенствования инструментов ее реализации.

ВЫВОДЫ

Региональные власти не придают должного внимания сложившейся сложной ситуации в сфере демографии, проблемы восполнения численности населения. При этом считается, что финансовыми вливаниями в «семейную политику» они смогут компенсировать лавинообразный процесс убыли населения. Однако экспертный опыт показывает, что мотивационные факторы воспроизводства (создание семей, рождение первого и последующего ребенка) очень слабо коррелируют с объемом финансовой поддержки со стороны государства. А вот отсутствие уверенности в будущем (спрос на стабильность), отсутствие реальной возможности получения ипотеки для молодежи (при минимальном уровне оплаты), необходимость собственного профессионального/карьерного развития порождает серьезный депривационный разрыв. На наш взгляд, единственным в обозримом будущем инструментом восполнения численности населения региона может являться приток жителей из других регионов, стран. Это открытый вопрос, поскольку механизмы социально-экономического стимулирования (как на Дальнем Востоке) редко дают положительный эффект. Создание территориальных кластеров, основанных на условиях комфортной жизни, высоком качестве образования, здравоохранения - вполне разумный вариант.

Численность населения региона продолжает стремительно уменьшаться и за счет естественной убыли – разница между умершими и рождёнными в некоторых, в основном русских (правобережных) районах, достигает в 4-5 раз, и за счет внутренней миграции - экономически активное население, молодежь уезжают в другие регионы и за рубеж.

Вхождение новых этнокультурных групп в социальную жизнь региона чаще всего происходит путем создания национально-культурных центров, ассоциаций. Главная задача - сделать представленность иммиграционного сообщества «видимой», узнаваемой. Сейчас в Саратовской области действует более двадцати национально-культурных организаций регионального уровня, руководители которых входят в разного рода общественные советы на всех уровнях – от муниципальных поселений до Общественного совета при Губернаторе.

Появление новых этнических групп на отдельных территориях спровоцировало рост конкуренции за ресурсы территории, периодически преходящие в стычки, столкновения, физическое насилие. По сути, вместе с ростом культурного разнообразия на фоне убыли населения происходит неуклонный процесс этнодемографического замещения в регионе.

Это влечет за собой изменение конфигурации межэтнических отношений, формирование нового этнокультурного ландшафта, выстраивание социальных отношений, новых моделей реализации национальной политики в региональном центре и на местах.

Библиографический список

1. Население Саратовской области по данным Росстат. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosinfostat.ru/naselenie-saratovskoj-oblasti/>
2. Вымирание Саратовской области. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nversia.ru/news/vymiranie-saratovskoy-oblasti-spiker-gosdumy-nazval-rayon-gde-ubyl-naseleniya-v-4-raza-prevysila-rozhdaemost/>
3. Материалы этнологического мониторинга в рамках проекта «Механизмы обеспечения гражданского согласия в многоэтнических государствах: российский и зарубежный опыт». Грант РНФ №15-18-00099.

Ограничения и запреты, связанные с муниципальной службой: вопросы классификации

Велиева
Джамила Сейфаддин кызы

Зав. кафедрой конституционного и международного права, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте РФ, доктор юридических наук, профессор

Dzhamila S. Velieva

LL.D., Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, branch of RANEPa

e-mail: ya.wds05@yandex.ru

Зенченко
Антон Вячеславович

Магистрант Поволжского института управления им. П. А. Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте РФ

Anton V. Zenchenko

Graduate student of the Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, branch of RANEPa

e-mail: anton.zen4enko@yandex.ru

УДК 352.075.2

Restrictions and prohibitions related to municipal service: classification issues

В статье рассматриваются ограничения и запреты, связанные с муниципальной службой. Выделяются в качестве видов ограничений - общие, антикоррупционные и специальные, а в качестве видов запретов - материально-экономические и дисциплинарные.

Ключевые слова: муниципальная служба, ограничения, запреты, виды ограничений и запретов

The paper considers restrictions and prohibitions associated with the municipal service. General, anti-corruption and special restrictions are distinguished as types of restrictions, and material, economic and disciplinary ones are distinguished as types of prohibitions.

Keywords: municipal service, restrictions, prohibitions, types of restrictions and prohibitions

В связи с тем, что муниципальная служба носит публично-правовой характер, представляет собой деятельность по обеспечению и защите публичного интереса и заключается в обеспечении исполнения и исполнении властных полномочий, к муниципальным служащим устанавливаются высокие требования и большое количество ограничений. Ограничения, содержащиеся в ст. 13 ФЗ «О муниципальной службе РФ», одновременно являются и ограничениями, связанными с поступлением на службу и ограничениями, связанными с прохождением муниципальной службы [1, с. 141]. Под ограничениями муниципальной службы следует понимать правовое средства в отношении муниципальных служащих и претендентов на замещение должностей муниципальной службы, установленные с целью создания условий для беспристрастного принятия муниципальными служащими управленческих решений, обеспечения эффективного исполнения своих должностных обязанностей, исключающего возможность злоупотребления своими полномочиями. [2, с. 271]

Они устанавливаются как для лиц, только поступающих на муниципальную службу, так и для лиц, ее проходящих. Такие ограничения установлены в ст. 13 Федерального закона от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» [3] (далее – закон).

По нашему мнению, ограничения в зависимости от того, на какие категории муниципальных служащих распространяются, можно разделить на три группы:

1) общие – они обеспечивают нормальное и эффективное прохождение муниципальной службы и касаются всех муниципальных служащих;

2) антикоррупционные – они обеспечивают недопущение совершения коррупционного преступления или иного правонарушения со стороны муниципального служащего. Они также имеют отношение ко всем служащим;

3) специальные – они имеют отношение только к муниципальным служащим, проходящим службу на определенных должностях.

К первой группе, по нашему мнению, можно отнести следующие ограничения: недееспособность и ограниченная дееспособность; осуждение к наказанию по приговору суда; наличие заболевания, препятствующего прохождению службы; прекращение гражданства Российской Федерации, прекращение гражданства иностранного государства - участника международного договора Российской Федерации, в соответствии с которым иностранный гражданин имеет право находиться на муниципальной службе; приобретение муниципальным служащим гражданства иностранного государства либо получение им вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства; наличие гражданства иностранного государства; непредставление сведений о размещении информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»; признание его не прошедшим военную службу по призыву.

Вторую группу ограничений составляют такие, как: близкое родство или свойство (родители, супруги, дети, братья, сестры, а также братья, сестры, родители, дети супругов и супруги детей) с главой муниципального образования; представление подложных документов или заведомо ложных сведений при поступлении на муниципальную службу; непредставление установленных сведений или представления заведомо ложных сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера.

К третьей группе, на наш взгляд, относятся ограничения, связанные с прохождением службы на определенных должностях. Так, гражданин не может быть:

1) назначен на должность главы местной администрации по контракту, а муниципальный служащий не может замещать должность главы местной администрации по контракту в случае близкого родства или свойства (родители, супруги, дети, братья, сестры, а также братья, сестры, родители, дети супругов и супруги детей) с главой муниципального образования (ч. 1.1. ст. 13 закона);

2) назначен на должности председателя, заместителя председателя и аудитора контрольно-счетного органа муниципального образования, а муниципальный служащий не может замещать должности председателя, заместителя председателя и аудитора контрольно-счетного органа муниципального образования в случае близкого родства или свойства (родители, супруги, дети, братья, сестры, а также братья, сестры, родители, дети супругов и супруги детей) с председателем представительного органа муниципального образования, главой муниципального образования, главой местной администрации, руководителями судебных и правоохранительных органов, расположенных на территории соответствующего муниципального образования (ч. 1.2 ст. 13 закона).

Кроме того, гражданин не может быть принят на муниципальную службу, а муниципальный служащий не может находиться на муниципальной службе в случае отказа от прохождения процедуры оформления допуска к сведениям, составляющим государственную и иную охраняемую федеральными законами тайну, если исполнение должностных обязанностей по должности муниципальной службы, на замещение которой претендует гражданин, или по замещаемой муниципальным служащим должности муниципальной службы связано с использованием таких сведений (п. 3 ч. 1 ст. 13 закона).

Список ограничений, установленный в отношении муниципальных служащих и претендентов на замещение должностей муниципальной службы, сформулирован законодателем исчерпывающим образом и не подлежит расширительному толкованию.

Помимо ограничений, связанных с муниципальной службой, закон закрепляет и запреты, которые представляют собой категорическое требование законодателя не совершать каких-либо действий и не вести

определенную деятельность, несоблюдение которых влечет за собой юридическую ответственность [4, с. 137]. При этом, ряд требований, имеющих антикоррупционный характер, продолжает действовать и после увольнения муниципального служащего со службы, в частности, требование сообщать о своем предыдущем месте работы [5, с. 67].

Запреты муниципальной службы связаны с запрещением определенных действий, направленных на извлечение собственной выгоды и для обеспечения дисциплинарного режима на муниципальной службе, которые преследуют цель повышения эффективности профессиональной служебной деятельности муниципальных служащих и противодействия коррупции [6, с. 273].

Запреты к замещению должностей муниципальной службы изложены в ст. 14 ФЗ «О муниципальной службе» и представляют собой перечень требований, адресованных муниципальным служащим, которые не должны совершать определенные действия или деятельность как на службе, так и вне ее пределов [7, с. 63]. Они носят материально-экономический и дисциплинарно поведенческий характер [8, с. 150].

По нашему мнению, в зависимости от содержания, можно выделить две группы запретов:

1) материально-экономические - это запреты на определенные виды деятельности, связанной с извлечением прибыли для удовлетворения личных нужд;

2) дисциплинарные - связаны с необходимостью обеспечения дисциплинарного режима на муниципальной службе.

К первой группе запретов мы относим:

1) запрет на участие в управлении коммерческой или некоммерческой организацией (п. 3 ч. 1 ст. 14 закона);

2) запрет на занятие предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц (п. 3.1 ч. 1 ст. 14 закона);

3) запрет быть поверенным или представителем по делам третьих лиц в органе местного самоуправления, избирательной комиссии муниципального образования, в которых он замещает должность муниципальной службы либо которые непосредственно подчинены или подконтрольны ему (п. 4 ч.1 ст. 14 закона);

4) запрет на получение в связи с должностным положением или в связи с исполнением должностных обязанностей вознаграждения от физических и юридических лиц (подарки, денежное вознаграждение, ссуды, услуги, оплату развлечений, отдыха, транспортных расходов и иные вознаграждения) (п. 5 ч.1 ст. 14 закона).

5) запрет на выезд в командировки за счет средств физических и юридических лиц, за исключением командировок, осуществляемых на взаимной основе по договоренности органа местного самоуправления, избирательной комиссии муниципального образования с органами местного самоуправления, избирательными комиссиями других муниципальных образований, а также с органами государственной власти и органами местного самоуправления иностранных государств, международными и иностранными некоммерческими организациями (п. 5 ч.1 ст. 14 закона);

6) запрет на использование в целях, не связанных с исполнением должностных обязанностей, средства материально-технического, финансового и иного обеспечения, другое муниципальное имущество (п. 7 ч.1 ст. 14 закона);

7) запрет на вхождение в состав органов управления, попечительских или наблюдательных советов, иных органов иностранных некоммерческих неправительственных организаций и действующих на территории Российской Федерации их структурных подразделений, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации или законодательством Российской Федерации (п. 15 ч. 1 ст. 14 закона);

8) запрет на занятие без письменного разрешения представителя нанимателя (работодателя) оплачиваемой деятельностью, финансируемой исключительно за счет средств иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации или законодательством Российской Федерации (п. 16 ч. 1 ст. 14 закона).

Ко второй группе запретов относятся:

1) запрет на замещение должность муниципальной службы в случае:

– избрания или назначения на государственную должность Российской Федерации либо на государственную должность субъекта Российской Федерации, а также в случае назначения на должность государственной службы;

– избрания или назначения на муниципальную должность; избрания на оплачиваемую выборную должность в органе профессионального союза, в том числе в выборном органе первичной профсоюзной организации,

созданной в органе местного самоуправления, аппарате избирательной комиссии муниципального образования (пп. «а» - «в» п. 2 ч. 1 закона);

2) запрет разглашать или использовать в целях, не связанных с муниципальной службой, сведения, отнесенные в соответствии с федеральными законами к сведениям конфиденциального характера, или служебную информацию, ставшие ему известными в связи с исполнением должностных обязанностей (п. 8 ч. 1 ст. 14 закона);

3) запрет допускать публичные высказывания, суждения и оценки, в том числе в средствах массовой информации, в отношении деятельности органа местного самоуправления, избирательной комиссии муниципального образования и их руководителей, если это не входит в его должностные обязанности (п. 9 ч. 1 ст. 14 закона);

4) запрет принимать без письменного разрешения главы муниципального образования награды, почетные и специальные звания (за исключением научных) иностранных государств, международных организаций, а также политических партий, других общественных объединений и религиозных объединений, если в его должностные обязанности входит взаимодействие с указанными организациями и объединениями (п. 10 ч. 1 ст. 14 закона);

5) запрет использовать преимущества должностного положения для предвыборной агитации, а также для агитации по вопросам референдума (п. 11 ч. 1 ст. 14 закона);

6) запрет использовать свое должностное положение в интересах политических партий, религиозных и других общественных объединений, а также публично выражать отношение к указанным объединениям в качестве муниципального служащего (п. 12 ч. 1 ст. 14 закона);

7) запрет создавать в органах местного самоуправления, иных муниципальных органах структуры политических партий, религиозных и других общественных объединений (за исключением профессиональных союзов, а также ветеранских и иных органов общественной самодеятельности) или способствовать созданию указанных структур (п. 13 ч. 1 ст. 14 закона);

8) запрет прекращать исполнение должностных обязанностей в целях урегулирования трудового спора (п. 14 ч. 1 ст. 14 закона).

Наряду с предложенной классификацией можно также предложить более подробную дифференциацию запретов, связанных с муниципальной службой.

Во-первых, это запреты, связанные с замещением некоторых должностей:

- избрание или назначение на государственную должность;
- избрания или назначения на муниципальную должность;
- избрание на оплачиваемую выборную должность в органе профессионального союза.

Во-вторых, запреты, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности:

- заниматься предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц.

Третья группа запретов связана с получением от третьих лиц денежных или материальных ценностей или иных выгод и преимуществ. К ним относятся запреты:

– получать в связи с исполнением должностных обязанностей вознаграждения от физических и юридических лиц (подарки, денежное вознаграждение, ссуды, услуги, оплату развлечений, отдыха, транспортных расходов и иные вознаграждения);

– выезжать в связи с исполнением должностных обязанностей за пределы территории Российской Федерации за счет средств физических и юридических лиц;

– принимать без письменного разрешения главы муниципального образования награды, почетные и специальные звания (за исключением научных) иностранных государств, международных организаций, а также политических партий, других общественных объединений и религиозных объединений, если в его должностные обязанности входит взаимодействие с указанными организациями и объединениями.

Четвертую группу запретов образуют те деяния, которые направлены на использование служебного положения в интересах третьих лиц:

- быть поверенным или представителем по делам третьих лиц в органе местного самоуправления...;
- использовать в целях, не связанных с исполнением должностных обязанностей, средства материально-технического, финансового и иного обеспечения, другое муниципальное имущество;
- использовать преимущества должностного положения для предвыборной агитации, а также для агитации по вопросам референдума;

– использовать свое должностное положение в интересах политических партий, религиозных и других общественных объединений, а также публично выражать отношение к указанным объединениям в качестве муниципального служащего;

– создавать в органах местного самоуправления, иных муниципальных органах структуры политических партий, религиозных и других общественных объединений (за исключением профессиональных союзов, а также ветеранских и иных органов общественной самодеятельности) или способствовать созданию указанных структур.

Еще одна группа запретов установлена с целью устранения влияния на осуществление служебных обязанностей со стороны иностранных государств.

К ним относятся запреты:

– входить в состав органов управления, попечительских или наблюдательных советов, иных органов иностранных некоммерческих неправительственных организаций и действующих на территории Российской Федерации их структурных подразделений, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации или законодательством Российской Федерации;

– заниматься без письменного разрешения представителя нанимателя (работодателя) оплачиваемой деятельностью, финансируемой исключительно за счет средств иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации или законодательством Российской Федерации.

Информационные запреты:

– разглашать или использовать в целях, не связанных с муниципальной службой, сведения, отнесенные в соответствии с федеральными законами к сведениям конфиденциального характера, или служебную информацию, ставшие ему известными в связи с исполнением должностных обязанностей;

– допускать публичные высказывания, суждения и оценки, в том числе в средствах массовой информации, в отношении деятельности органа местного самоуправления, избирательной комиссии муниципального образования и их руководителей, если это не входит в его должностные обязанности.

Несоблюдение ограничений и (или) запретов, связанных с муниципальной службой, влекут наступление ответственности в виде замечания, выговора либо увольнение с муниципальной службы.

Библиографический список

1. Уронов, В.Ю. Ограничения и запреты, связанные с прохождением муниципальной службы в Российской Федерации / В.Ю. Уронов, Х.Б. Атик // Научный электронный журнал Меридиан. – 2019. – № 11 (29). – С. 141-143.

2. Коробова, А.И. Режим служебных ограничений и запретов на муниципальной службе / А.И. Коробова // Мировая наука. – 2020. – № 3 (36). – С. 271-277.

3. О муниципальной службе в Российской Федерации: Федеральный закон от 02.03.2007. № 25-ФЗ (в ред. 26.05.2021) // Соб. законодательства РФ. – 2007. – № 10. – Ст. 1152; – 2021. – N 22. – Ст. 3687.

4. Гацко, М.Ф. Ограничения и запреты, предусмотренные для муниципальных служащих в целях противодействия коррупции / М.Ф. Гацко // Символ науки. – 2016. – № 5. – С. 135-139.

5. Капустина, В.А. Проблемы, связанные с трудоустройством лиц, вышедших в отставку с государственной (муниципальной) службы, обремененных антикоррупционными ограничениями / В.А. Капустина, Ю.А. Козлова // Юридические исследования. – 2017. – № 6. – С. 65-72.

6. Коробова, А.И. Режим служебных ограничений и запретов на муниципальной службе / А.И. Коробова // Мировая наука. – 2020. – № 3 (36). – С. 271-277.

7. Шехирев, А.В. Ограничения и запреты, связанные с муниципальной службой, как антикоррупционный фактор / А.В. Шехирев // Вопросы российского и международного права. – 2018. – Т. 8. – № 7А. – С. 63-74.

8. Баталова, Л.П. Особенности правового статуса муниципальных служащих в Российской Федерации / Л.П. Баталова // Актуальные проблемы сравнительного правоведения: правовая система и современное государство : материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. – 2020. – С. 149-151.

On some aspects of the implementation of the principle of equal access to municipal service

Зенченко
Антон Вячеславович

Магистрант Поволжского института
управления им. П. А. Столыпина –
филиала РАНХиГС при Президенте РФ

Anton V. Zenchenko

Graduate student of the Povolzhsky
Institute of Management named after P.A.
Stolypin, branch of RANEPA

e-mail: anton.zen4enko@yandex.ru

УДК 352.075.2

О некоторых аспектах реализации принципа равного доступа к муниципальной службе

В статье рассматриваются особенности реализации конституционного принципа равного доступа к муниципальной службе. Автор анализирует такие особенности исходя из содержания требований, предъявляемых при поступлении на муниципальную службу.

Ключевые слова: муниципальная служба, равный доступ к муниципальной службе, реализация принципа равного доступа.

The paper considers the peculiarities of the implementation of the constitutional principle of equal access to the municipal service. The author analyzes the peculiarities based on the content of the requirements for entering the municipal service.

Keywords: municipal service, the equal access to the municipal service, the implementation of the principle of equal access.

Согласно ст. 2 Федерального закона от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» (далее – Закон о муниципальной службе) муниципальная служба - профессиональная деятельность граждан, которая осуществляется на постоянной основе на должностях муниципальной службы, замещаемых путем заключения трудового договора (контракта) [1]. Как и любой вид публичной службы, муниципальная служба основывается на ряде принципов, одним из основных которых является принцип равного доступа к муниципальной службе. Данный принцип берет свое начало в Конституции Российской Федерации [2]. В частности, ст. 19 Конституции Российской Федерации определяет равенство всех перед законом и судом, гарантии со стороны государства равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств, запрет на любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности, а также равноправие мужчин и женщин.

При этом, хотя право доступа к муниципальной службе по своей сути является конституционным, не все граждане получают возможность реализовать его, в связи существующими правовыми ограничениями [3, с. 149].

В частности, ст. 4 Закона о муниципальной службе декларирует равный доступ граждан, владеющих государственным языком Российской Федерации, к муниципальной службе и равные условия ее прохождения независимо от пола, расы, национальности, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям,

а также от других обстоятельств, не связанных с профессиональными и деловыми качествами муниципального служащего [4, с. 65], а ст. 16 этого же закона в продолжении ст. 4 устанавливает недопущение при поступлении на муниципальную службу, а также при ее прохождении установления каких бы то ни было прямых или косвенных ограничений или преимуществ в зависимости от пола, расы, национальности, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также от других обстоятельств, не связанных с профессиональными и деловыми качествами муниципального служащего.

Несмотря на то, что право на равный доступ к муниципальной службе является самостоятельной частью конституционного права на участие в управлении делами государства [5, с. 206], его правовое содержание обусловлено рядом специальных, определенных требований, при соблюдении которых принцип равного доступа к муниципальной службе начинает действовать [6, с. 57]. Такие требования содержатся в целом ряде статей Закона о муниципальной службе.

Так, в ст. 16 Закона о муниципальной службе содержатся требования к будущему муниципальному служащему. К их числу относятся, во-первых, требования, связанные с возрастом поступления на муниципальную службу – не ранее наступления восемнадцатилетия. Следует также отметить, что ст. 13 этого же закона устанавливает и предельный возраст нахождения на муниципальной службе: «гражданин не может быть принят на муниципальную службу после достижения им возраста 65 лет - предельного возраста, установленного для замещения должности муниципальной службы». Таким образом, по общему правилу, равный доступ к муниципальной службе имеют граждане в возрасте от 18 до 65 лет.

Во-вторых, к числу таких требований относятся наличие гражданства Российской Федерации или гражданства иностранного государства - участника международного договора Российской Федерации, в соответствии с которым иностранный гражданин имеет право находиться на муниципальной службе. Здесь следует отметить, что сама ст. 16 Закона о муниципальной службе не раскрывает, какие именно граждане имеют право на доступ к муниципальной службе, но в пп. 6 и 7 ст. 13 названного закона в качестве ограничений, связанных с муниципальной службой, устанавливается отсутствие или прекращение гражданства Российской Федерации, прекращения гражданства иностранного государства - участника международного договора Российской Федерации, в соответствии с которым иностранный гражданин имеет право находиться на муниципальной службе, приобретения им гражданства иностранного государства либо получения им вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства, не являющегося участником международного договора Российской Федерации, в соответствии с которым гражданин Российской Федерации, имеющий гражданство иностранного государства, имеет право находиться на муниципальной службе.

В-третьих, это владение государственным языком Российской Федерации, т.е. русским языком как языком государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации (ч. 1 ст. 68 Конституции РФ). При этом порядок предоставления подтверждения владения русским языком установлен только для иностранных граждан в ст. 15.1 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 N 115-ФЗ [7]. Можем предположить, что для граждан Российской Федерации владение русским языком презюмируется.

В-четвертых, это требования о соответствии квалификационным требованиям, установленным в Законе о муниципальной, для замещения должностей муниципальной службы. Такие квалификационные требования предъявляются: 1) к уровню профессионального образования; 2) к стажу муниципальной службы или стажу работы по специальности; 3) к профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что равные требования могут предъявляться только применительно к равнозначным должностям государственной и муниципальной службы, а для замещения должностей, относящихся к различным группам и категориям муниципальной службы, требуются различные знания, навыки и умения. В силу этого, например, для замещения младших должностей муниципальной службы, как правило, достаточно наличия среднего профессионального образования, в то время как для должностей более высокого уровня требуется образование высшее, а в некоторых случаях - только уровня специалитета или магистратуры [6, с. 58].

В-пятых, это требования об отсутствии ограничений, связанных с муниципальной службой. Перечень таких ограничений установлен в ст. 13 Закона о муниципальной службе.

Согласно данной статье граждане могут быть приняты на муниципальную службу лишь в случае отсутствия

предусмотренных указанной статьей ограничений, которые необходимы для защиты конституционного строя, прав и законных интересов гражданина. [8, с. 216]

Под ограничениями муниципальной службы обычно понимается правовые средства в отношении муниципальных служащих и претендентов на замещение должностей муниципальной службы, установленные с целью создания условий для беспристрастного принятия муниципальными служащими управленческих решений, обеспечения эффективного исполнения своих должностных обязанностей, исключающего возможность злоупотребления своими полномочиями [9, с. 272]. К числу таких ограничений относятся:

1. ограничения, связанные с личностью муниципального служащего (например, недееспособность или ограниченная дееспособность, осуждения его к наказанию, исключающему возможность исполнения должностных обязанностей по должности муниципальной службы, по приговору суда, вступившему в законную силу, близкого родства или свойства с главой муниципального образования при условии подчинения ему); 2. ограничения, связанные с совершением муниципальным служащим каких-либо действий (например, прекращения гражданства Российской Федерации, представления подложных документов или заведомо ложных сведений при поступлении на муниципальную службу); 3. ограничения, связанные с бездействием муниципального служащего (например, непредставление сведений, предусмотренных антикоррупционным законодательством, сведений о размещении информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»). При наличии таких ограничений гражданин не может быть принят на муниципальную службу, а муниципальный служащий не может находиться на муниципальной службе.

Таким образом, особенности реализации принципы доступности к муниципальной службе, будут заключаться в сочетании в совокупности следующих требований:

1. возраст от 18 до 65 лет;
2. наличие гражданства Российской Федерации или гражданства иностранного государства - участника международного договора Российской Федерации, в соответствии с которым иностранный гражданин имеет право находиться на муниципальной службе;
3. владение русским языком;
4. соответствие квалификационным требованиям для замещения должностей муниципальной службы;
5. отсутствие ограничений, связанных с муниципальной службой.

Библиографический список

1. О муниципальной службе в Российской Федерации : Федеральный закон от 02.03.2007. № 25-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2007. – № 10. – Ст. 1152.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 04.07.2020. № 144
3. Бебишева, С.С. Некоторые спорные вопросы реализации принципа равного доступа к муниципальной службе / С.С. Бебишева // Право и законность: вопросы теории и практики : Сборник материалов XI Всероссийской научно-практической конференции. – Абакан, – 2021. – С. 65-66.
4. Чабрицкая, А.С. К вопросу о равном доступе граждан к муниципальной службе / А.С. Чабрицкая // Эпоха науки. – 2016. – № 8. – С. 148-154.
5. Паулов, П.А. Право граждан на равный доступ к государственной и муниципальной службе / П.А. Паулов, Н.А. Филипов // Сборник статей IV Международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 205-207.
6. Карев, Д.А. Конституционный принцип равенства в служебных правоотношениях / Д.А. Карев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2018. – № 1 (32). – С. 55-65. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3032
7. Булавкина, М.А. Реализация принципа равного доступа граждан к муниципальной службе / М.А. Булавкина // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2018. – № 18-2. – С. 215-217.
8. Коробова, А.И. Режим служебных ограничений и запретов на муниципальной службе / А.И. Коробова // Мировая наука. – 2020. – № 3 (36). – С. 271-277.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Полномочия Президента РФ по
обеспечению национальной безопасности,
сохранению территориальной целостности
и укреплению суверенитета страны¹

Утенков
Геннадий Николаевич

Кандидат политических наук,
заведующий кафедрой
социально-правовых и прикладных
юридических дисциплин Балаковского
филиала СГЮА

Gennadii N. Utenkov

Candidate of Political Sciences, Head of
the Department of Socio-legal and applied
juridical disciplines, Balakovo branch of
Saratov State Law Academy

e-mail: ugn64@mail.ru

Мокин
Константин Сергеевич

Доктор социологических наук,
ведущий научный сотрудник Центра
исследования межнациональных
отношений Института социологии
ФНИСЦ РАН, профессор кафедры
государственного управления и права
Балаковского филиала РАНХиГС

Konstantin S. Mokin

Doctor of Sociological Sciences, Leading
researcher of the Centre of International
relations at the Institute of Sociology,
Russian Academy of Science, Professor at
the Department of Public Administration
and Law, Balakovo branch of RANEPa

e-mail: mokin_konstantin@list.ru

Powers of the President of the Russian
Federation to ensure national security,
preserve territorial integrity and strengthen
the sovereignty of the country

В статье рассматриваются полномочия и деятельность Президента РФ по обеспечению национальной безопасности, сохранению территориальной целостности и укреплению суверенитета страны. Подчеркивается, что национальная безопасность государства, его территориальная целостность и суверенитет зависят от многих факторов и обстоятельств. Современная система обеспечения национальной безопасности РФ столкнулась с масштабными вызовами и угрозами. Международные отношения на современном этапе вступили в стадию турбулентности с трудно предсказуемым результатом. Во внешнеполитической сфере национальные интересы России заключаются в обеспечении суверенитета, упрочении позиций России как великой державы, развитии равноправных и взаимовыгодных отношений со всеми странами и интеграционными объединениями, прежде всего, с государствами – участниками Содружества независимых государств (СНГ) и традиционными партнерами России, в повсеместном соблюдении прав и свобод человека. Для сохранения целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации, подготовки к вооруженной защите и вооруженной защиты организуется оборона. Под ней понимается система политических, экономических, военных, социальных, правовых и иных мер.

Ключевые слова: Президент РФ, национальная безопасность, территориальная идентичность, территориальная целостность, суверенитет.

УДК 323

¹Статья подготовлена в рамках работы по проекту РФФИ – МОН РЮО «Территориальная идентичность: факторы, механизмы и инструменты формирования (сравнительный анализ субъектов Российской Федерации и Республики Южная Осетия)» в рамках Гранта РФФИ № 20-511-07004.

Powers of the President of the Russian Federation to ensure national security, preserve territorial integrity and strengthen the sovereignty of the country.

The paper discusses the powers and activities of the President of the Russian Federation to ensure national security, preserve territorial integrity and strengthen the sovereignty of the country. It is emphasized that the national security of the state, its territorial integrity and sovereignty depend on many factors and circumstances. The modern system of ensuring the national security of the Russian Federation has faced large-scale challenges and threats. Current international relations have entered a stage of turbulence, and it is hard to predict result. In the foreign policy sphere, Russia's national interests are in ensuring sovereignty, strengthening Russia's position as a great power, developing equal and mutually beneficial relations with all countries and integration associations, primarily with the member states of the Commonwealth of Independent States (CIS) and traditional partners of Russia, in the ubiquitous observance of human rights and freedoms. In order to preserve the integrity and inviolability of the territory of the Russian Federation, armed defense is organized. It is understood as a system of political, economic, military, social, legal and other measures.

Keywords: President of the Russian Federation, national security, territorial identity, territorial integrity, sovereignty.

Национальная безопасность государства зависит от многих факторов и обстоятельств. Сюда относят силовой потенциал страны, развитие экономических показателей; конкурентоспособность страны и ее место в системе международного разделения труда; благосостояние ее граждан и лиц, проживающих на ее территории; доверие и поддержку действий властей со стороны гражданского общества; экология и демографические показатели. Одним из важнейших факторов обеспечения современной и жизнеспособной системы национальной безопасности страны является формирование правовой системы национальной безопасности.[1,с. 73]

Современная система обеспечения национальной безопасности РФ столкнулась с масштабными вызовами и угрозами. Международные отношения на современном этапе вступили в стадию турбулентности с трудно предсказуемым результатом. Затянувшийся украинский кризис и участие России в деле обеспечения собственной безопасности в этом регионе, возвращение Крыма в состав России и последующая санкционная политика стран Евросоюза, США и других участников открыли новую страницу «холодной войны» между нашими странами. Негативные процессы в сфере внешней безопасности России усугубились и внутренними проблемами.[1,с. 74]

В современных условиях, связанных с обострением в сфере международных отношений, сложного комплекса проблем внутренней жизни страны одной из фундаментальных задач государства является обеспечение национальной безопасности, сохранение территориальной целостности и укрепление суверенитета страны. Эксперты к основным компонентам национальной безопасности относят военную, экономическую, социальную, экологическую, информационную и иные виды безопасности. Национальная безопасность представляет геополитический аспект безопасности вообще, охватывающий весь комплекс вопросов физического выживания государства, защиты и сохранения его суверенитета и территориальной целостности. [2,с. 23-31;3,с. 35]

Экономическая безопасность государства обуславливается, прежде всего, необходимостью обеспечения его суверенитета в принятии решений, касающихся внутренних вопросов и международного положения, сохранением экономической самостоятельности страны и поддержанием, а также дальнейшим повышением уровня жизни населения.

Под экономической безопасностью понимается состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз социально-экономического характера, создание условий для успешного развития экономики, роста благосостояния населения, обеспечения экономической независимости и конкурентоспособности производимых товаров и услуг. [4, с. 100; 5; 3, с. 35-36]

Согласно требованиям Конституции Российской Федерации (ст.8), направленных, в том числе на обеспечение экономической безопасности, в стране гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности. В Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность. Обеспечение экономической безопасности государства осуществляется посредством реализации полномочий органов государственной власти.

Под информационной безопасностью Российской Федерации понимается состояние защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства. Так, Т. А. Мартиросян определяет информационную безопасность как состояние защищенности личности, общества и государства в информационной сфере от возможных внутренних и внешних угроз. Об обеспечении информационной безопасности в интересах личности, общества и государства говорят и другие исследователи. [6]

Исследователи выделяют следующие составляющие национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере. Первая включает в себя соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина в области получения информации и пользования ею, обеспечение духовного обновления России, сохранение и укрепление нравственных ценностей общества, традиций патриотизма и гуманизма, культурного и научного потенциала страны. Вторая включает в себя информационное обеспечение государственной политики Российской Федерации. Третья включает в себя развитие современных информационных технологий, отечественной индустрии информации, в том числе эффективного использования отечественных информационных ресурсов. Четвертая включает в себя защиту информационных ресурсов от несанкционированного доступа, обеспечение безопасности информационных и телекоммуникационных систем, как уже развернутых, так и создаваемых на территории России. [9, с. 3-7; 3, с. 36-37]

Экологическую безопасность как основной принцип охраны окружающей среды, в соответствии с которым любая деятельность, связанная с вредным воздействием на окружающую среду, а также предусматриваемые в законодательстве и осуществляемые на практике правовые и иные природоохранные меры оцениваются с позиции экологической безопасности. Экологическая безопасность требует защищенности жизненно важных экологических интересов человека, прежде всего права на чистую, здоровую окружающую среду. [10; 11; 12]

Национальные интересы в области политической безопасности подразделяют на внутривнутриполитические и внешнеполитические. К внутривнутриполитическим интересам, в соответствии с требованиями обновленной Конституции РФ, относят сохранение стабильности конституционного строя, институтов государственной власти; обеспечение гражданского мира и национального согласия, территориальной целостности, единства правового пространства и правопорядка; упрочение демократии, создание правового, социального ориентированного государства, достижение и поддержание общественного согласия; нейтрализация причин и условий, способствующих возникновению политического и религиозного экстремизма, этно-сепаратизма и их последствий – социальных, межэтнических и религиозных конфликтов, терроризма. [13]

Актуальность проблемы обусловлена ростом угроз национальной безопасности РФ.

Эксперты называют следующие угрозы:

1) угрозы государственной и общественной безопасности, связанных с деятельностью спецслужб иностранных государств; террористическая, экстремистская деятельность и деятельность радикальных группировок, посягающих на единство и территориальную целостность РФ, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной обстановки, организация «цветных революций», разрушение духовно нравственных ценностей и т. д.);

2) угрозы в области экономики характеризуются её низкой конкурентоспособностью; экспортно-сырьевой моделью развития и высокой зависимостью от внешнеэкономической конъюнктуры; отставанием от ряда стран в области технологического развития; ограничительными мерами, направленными против РФ, мировые и региональные кризисы, недобросовестная конкуренция и др.;

3) угрозы в области науки, технологий и образования связаны с отставанием в развитии высоких технологий, зависимостью от поставок высокотехнологичного оборудования и стратегических материалов; снижение престижа научных работников, инженеров, преподавателей, низкий уровень их социальной защищенности, снижение качества образования;

4) угрозы в сфере охраны здоровья граждан представлены возникновением эпидемий и пандемий; массовым распространением наркомании и алкоголизма;

5) угрозы в области культуры способствуют размыванию традиционных российских духовно-нравственных ценностей; ослаблению единства многонационального народа Российской Федерации; фальсификации российской и мировой истории;

6) угрозы экологической безопасности выражаются в истощении запасов минерально-сырьевых, водных и биологических ресурсов, неэффективном природопользовании; наличии экологически неблагоприятных территорий с высокой степенью загрязнения и деградации природных комплексов;

7) угрозы военно-политического и военно-стратегического характера связаны с ростом агрессивной политики стран НАТО в отношении России, активностью международного терроризма и экстремизма;

8) угрозы в информационной сфере выражаются в наращивании зарубежными странами возможностей информационно-технического воздействия на информационную инфраструктуру РФ в военных целях; увеличении масштабов компьютерной преступности [14].

Во внешнеполитической сфере национальные интересы России заключаются в обеспечении суверенитета, упрочении позиций России как великой державы, развитии равноправных и взаимовыгодных отношений со всеми странами и интеграционными объединениями, прежде всего, с государствами – участниками Содружества независимых государств (СНГ) и традиционными партнерами России, в повсеместном соблюдении прав и свобод человека [4].

В настоящее время, по мнению исследователей, становится очевидным, что классические определения понятия «суверенитет» нуждаются в модернизации, осовременивании с учетом происходящих трансформационных процессов. Так, с точки зрения Р.Т. Мухаева, «суверенитет государственной власти выражается в ее верховенстве и независимости от любых других властей внутри страны или во взаимоотношениях с другими государствами. [15, с. 202] Государственный суверенитет рассматривается в качестве ключевой категории многих странах мира и представляет собой своего рода политическую независимость, а также самостоятельность определенного государства от вмешательства в его личные внутренние дела со стороны других государств.

Основными индикаторами суверенитета традиционно выступают: – возможность носителя верховной власти самостоятельно определять и реализовывать свою волю. Это означает, что носитель суверенной власти имеет право издавать веления исходя из сугубо собственных интересов;

– верховная власть должна осуществляться без внешних ограничений, то есть другие суверенные субъекты не имеют прав влиять или иным образом вмешиваться в политико-правовые процессы этого государства;

– верховная власть должна иметь свои институты, с помощью которых и будет осуществлять свои властные полномочия. [16, с. 21]

Н.А. Михалева выделяет десять важнейших элементов конституционно-правового статуса Российской Федерации как суверенного федеративного государства:

- 1) учредительный характер федеральной государственной власти;
- 2) территориальное верховенство;
- 3) федеральная конституционно-правовая система;
- 4) легитимные федеральные властные структуры;
- 5) федеральная государственная собственность;
- 6) федеральное гражданство;
- 7) единые вооруженные силы Российской Федерации;
- 8) универсальная международная правосубъектность;
- 9) государственный язык Российской Федерации;
- 10) государственная символика. [17; 18]

В результате трансформаций общества и генезиса глобальной информационно-коммуникационной системы меняется характер взаимодействий между государствами, а также между надгосударственными международными объединениями и отдельными странами.

На смену «холодной войне», имевшей место в XX в., пришло противостояние совершенно иного характера. В настоящее время «борьба» перемещается в социально-экономическую (например, так называемые «войны санкций», которые коснулись и нашей страны в 2014 г.), социально-политическую (конфликты и фактическая блокировка работы Совета Безопасности ООН, попытки США и их союзников решать международные проблемы самостоятельно и в рамках своих национальных и геополитических интересов), социально-правовую сферы (что выразилось в выведении категории «права человека», трактуемой весьма широко, из под национальной юрисдикции в международную, с весьма опасными последствиями международного вмешательства в дела суверенного государства).[19, с. 89-97]

Требования финансовой безопасности образуют наличие, с одной стороны, специфического объекта охраны – финансовой системы, а с другой стороны – источников опасности, угрожающих этой системе и суверенитету страны. Финансовая безопасность государства обеспечивается посредством ряда мер, с одной стороны, ограничивающих поведение индивидуальных или коллективных субъектов при формировании, распределении и использовании финансовых ресурсов, а с другой – направленных на предотвращение вредоносного воздействия на финансовую систему страны различного рода угроз, в том числе криминального характера [20,19].

В оборонной сфере национальные интересы России заключаются в защите ее суверенитета, государственной и территориальной целостности, в предотвращении агрессии против России и ее союзников, в обеспечении условий для мирного демократического развития государства, в защите населения от международного терроризма, а в случае наступления военного времени – от опасностей, возникающих при ведении военных действий или вследствие этих действий [4,с. 104-107].

Важным государственным интересом, связанным с обеспечением её суверенитета, являются охрана и защита государственной границы и приграничных территорий. Защита государственной границы РФ – часть системы обеспечения безопасности Российской Федерации и реализации государственной пограничной политики, которая представляет собой совокупность мер политического, организационно-правового, дипломатического, экономического, оборонного, пограничного, разведывательного, контрразведывательного, оперативно-розыскного, таможенного, природоохранного, санитарно-эпидемиологического, экологического и иного характера, осуществляемых федеральными органами государственной власти. [4]

Законодательством Российской Федерации определены средства и методы пограничного, санитарно-карантинного, ветеринарного, карантинного фитосанитарного и транспортного контроля при осуществлении пропуска лиц, транспортных средств, грузов, товаров и животных через государственную границу РФ, а также порядок их применения. [4,с. 39-41]

Правоохранительные органы стран-членов Таможенного союза проводят значительное количество совместных мероприятий по противодействию наркопреступности и профилактике наркомании; получены определенные положительные результаты. Органы федеральной миграционной службы организуют и осуществляют постоянное взаимодействие и координацию деятельности в области реализации административного законодательства в сфере миграции, ежегодное планирование межведомственного взаимодействия [3].

События в мире начала XXI в., реакция стран «большой семерки» и их союзников, события в Украине 2014 г. ясно показывают, что международное противостояние не только не прекратилось после распада СССР и социалистического блока, но и, напротив, усилилось. В новых условиях требуется найти оптимальное решение возникшей проблемы, чтобы, с одной стороны, не допустить политики изоляции России от современного глобального мира? с другой стороны, найти эффективные инструменты противодействия возникающим угрозам государственному суверенитету [22].

После противоправных действий по ликвидации Советского Союза особую значимость приобретают положения ст.4. Конституции РФ. В ней закрепляется норма, что «суверенитет Российской Федерации распространяется на всю её территорию».

Территориальная целостность Российской Федерации обеспечивается:

1) охраной и защитой ее территории;

2) приоритетом федеральной Конституции и законов, принятых по предметам ведения Российской Федерации и предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, которые имеют прямое действие на всей территории РФ;

3) запретом сепарации, т.е. выхода субъектов из состава Федерации или изменения их статуса в одностороннем порядке без согласия Федерации;

4) запретом создания и деятельности общественных объединений, цели или действия которых направлены на нарушение целостности России;

5) обязанностью органов государственной власти принимать необходимые меры для охраны суверенитета России, ее целостности и безопасности;

6) возможностью федерального вмешательства в случаях угрозы территориальной целостности, исходящей от субъекта РФ, в том числе осуществления федеральными органами отдельных полномочий органов субъектов РФ, и другими мерами [23].

Таким образом, территориальная целостность является приоритетной по отношению к федеративному устройству Российской Федерации и выступает как конституционная ценность. Для сохранения целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации, подготовки к вооруженной защите и вооруженной защиты организуется оборона. Под ней понимается система политических, экономических, военных, социальных, правовых и иных мер. Территориальную целостность и неприкосновенность России обеспечивают ее Вооруженные Силы, Федеральная служба безопасности РФ, органы внешней разведки, пограничные войска, Министерство обороны РФ, Министерство иностранных дел РФ, Министерство внутренних дел РФ, Федеральная таможенная служба, Совет Безопасности при Президенте РФ [24].

Особый акцент делается на то, что Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории. Согласно ст.5 Конституции РФ, Российская Федерация состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов – равноправных субъектов Российской Федерации. Республики (государства) имеют свою конституцию и законодательство. Иные субъекты Российской Федерации имеют свои уставы и законодательство. Состав Российской Федерации определяется ст. 65.

Важным дополнением обновленной Конституции РФ является ст. 67, которая утверждает, что Российская Федерация, обеспечивая защиту своего суверенитета и территориальной целостности, не допускает действия, направленные на отчуждение части территории Российской Федерации, а также призывы к таким действиям не допускаются.

Статья 67.1. Конституции РФ закрепляет за Российской Федерацией статус правопреемника Союза ССР на своей территории, а также правопреемника (правопродолжателя) Союза ССР в отношении членства в международных организациях, их органах, участия в международных договорах, а также в отношении предусмотренных международными договорами обязательств и активов Союза ССР за пределами территории Российской Федерации.

Это положение открывает широкие возможности для активной деятельности по защите интересов России в отношениях с зарубежными государствами.

Механизмы реализации полномочий Президента РФ, в том числе по обеспечению национальной безопасности, суверенитета и территориальной целостности закреплены в Конституции Российской Федерации (ст. 80). Обширный перечень механизмов реализации полномочий Президента закреплен в Конституции РФ (ст.ст. 83-90). Среди них:

1) назначение Председателя Правительства РФ и руководство Правительством РФ, обладает правом председательствовать на заседаниях правительства Российской Федерации;

2) утверждение структуры федеральных органов исполнительной власти;

3) представляет Совету Федерации кандидатуру на должность Председателя Конституционного и Верховного судов РФ и их заместителей;

4) назначает и освобождает от должности Генерального прокурора РФ;

5) назначает выборы Государственной Думы и распускает ее, вносит в Государственную Думу законопроекты;

6) Президент РФ осуществляет внешнюю и внутреннюю политику Российской Федерации;

7) является Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами Российской Федерации.

В качестве механизма реализации закрепленных конституционных полномочий Президент Российской Федерации (ст. 90) издает указы и распоряжения. Их исполнение обязательно на всей территории Российской Федерации. Важным механизмом реализации полномочий Президента РФ являются его Послания Федеральному Собранию РФ, а также поручения федеральным и региональным органам исполнительной власти, которые приобретают силу законов.

Библиографический список

1. Сексте Я.А., Ляпин И.Л. Правовое обеспечение национальной безопасности РФ: основные направления, состояние и тенденции развития.// «Ленинградский юридический журнал». - Учредители: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. – 2019. №2(56).
- 2.Балашова, Т. Н. Национальный интерес и национальная безопасность в контексте миграции населения: взаимосвязь и взаимодействие / Т. Н. Балашова // Общество и право. – 2008. – № 1.
- 3.Федотова Ю.Г. Государственные интересы и виды государственной безопасности// «Философия социальных коммуникаций». Учредители: Волгоградский институт экономики, социологии и права (Волгоград) ISSN: 2072-2435. 2014. №4(29).
- 4.Грибин, Н. П. Концептуальные основы национальной безопасности Российской Федерации/ Н. П. Грибин, А. В. Диденко. – М., 2010.
- 5.Криворотов, В. В. Экономическая безопасность государства и регионов: учеб. пособие/В. В. Криворотов, А. В. Калинина, Н. Д. Эриашвили. – М., 2011.
- 6.Курушин, В. Д. Компьютерные преступления и информационная безопасность / В. Д. Курушин, В. А. Минаев. – М., 1998. С. 168; Лопатин, В. Н. Информационная безопасность России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В. Н. Лопатин. – СПб., 2000.
- 7.Мартиросян, Т. А. Правовое обеспечение информационной безопасности РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Т. А. Мартиросян. – М., 2005.
- 8.Федотова, О. А. Административная ответственность за правонарушения в сфере обеспечения информационной безопасности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О. А. Федотова. – М., 2003. С. 11.
- 9.Соколова, С. Н. Информационное право и государственное регулирование информационной безопасности / С. Н. Соколова, Ю.М. Сенюк // Информационное право. – 2013. – № 2.
- 10.Бринчук, М. М. Экологическое право: учебник / М. М. Бринчук. – М., 2006.
- 11.Кукушкина, А. В. Экологическая безопасность, разоружение и военная деятельность государств: международно-правовые аспекты / А. В. Кукушкина. – М., 2008.
- 12.Петров, В. В. Экологическое право России: учебник / В. В. Петров. – М., 1998.
13. Конституция РФ 2020 года.
14. Чегодамова Ю.В., Горина М.С., Базаркина К. А. Современные угрозы национальной безопасности РФ.// «Сибирский экономический журнал». Учредители: ООО «Грани науки». 2020. №3(11).
15. Моргун, О. В. Конституционно-правовые основы мер финансовой безопасности/ О. В. Моргун // Вопросы экономики и права. – 2013. – № 1.
16. Мухаев Р.Т. Политология. М.: «Приориздат», 2003.
17. Бредихин А.Л. Суверенитет как политико-правовой феномен. М., 2012.
18. Михалева Н.А. Эволюция и перспективы нового российского федерализма // Право и жизнь. 1994. № 6.
- 19.Карнаушенко Л. В. Государственный суверенитет Российской Федерации в контексте развития глобальной миросистемы.// Стратегии противодействия вызовам преступности в России на современном этапе. Материалы XIX Международной научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД России. 2016. Изд.:ФГКОУ ВПО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» (Краснодар).
20. Нарутто С.В., Шугрина Е.С., Исаев И.А., Алебастрова И.А. Территория в публичном праве М.: «Норма», «Инфра-М», 2013.
21. Темираев А. В. Конституционно-правовое содержание принципа территориальной целостности.// «Аграрное и земельное право». ФГОУ ВПО «Горский государственный аграрный университет». 2017. №4(148).

Issues of socio-economic development in the Saratov region

Саввина
Елена Сергеевна

Старший преподаватель кафедры
государственного управления и права
Балаковского филиала РАНХиГС

Elena S. Savvina

Senior Lecturer at the Department of Public
Administration and Law, Balakovo branch of
RANEPA

e-mail: alena-pohlebaeva@mail.ru

УДК 332.14

Проблемы социально-экономического развития в Саратовской области

В рамках настоящей статьи автор обозначает ряд проблем социально-экономического развития в Саратовской области. Отдельное внимание автор уделяет проблеме отсутствия единого органа власти, на которого возлагались бы полномочия стратегического управления.

Ключевые слова: стратегическое планирование, регион, социально-экономическое развитие, стратегия.

The paper identifies a number of issues of social and economic development in the Saratov region. The author pays special attention to the issue of the absence of a single authority that would be entrusted with the powers of strategic management.

Keywords: strategic planning, region, socio-economic development, strategy.

Саратовская область – традиционно индустриально-аграрный регион, добавленная стоимость валового регионального продукта (далее – ВРП) которого формируется на 30,3 процента промышленностью (Приволжский федеральный округ (далее – ПФО) - 38,9 процента, Российская Федерация – 31,7 процента) и на 13 процентов сельским хозяйством (ПФО – 7,1 процента, Российская Федерация – 4,8 процента).[2]

Уровень социально-экономического развития региона определяет благосостояние – и качество жизни населения, инвестиционную привлекательность и экономическое развитие потенциала региона. Благодаря эффективному социально-экономическому развитию регионов, смогут повышаться доходы населения, улучшится качество образования, здравоохранения, снизится доля бедных и так далее.[6]

Социально-экономическое развитие региона зависит от множества факторов, в том числе от качества работы органов власти с системой стратегического планирования. Согласно Федеральному закону от 28.06.2014 N 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», под планированием подразумевается деятельность участников стратегического планирования по разработке и реализации основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации, планов деятельности федеральных органов исполнительной власти и иных планов в сфере социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.[1]

На территории Саратовской области утверждена Стратегия социально-экономического развития Саратовской области до 2030 года [2]. В результате её реализации планируется: увеличение объема инвестиций в 4,6 раза; увеличение роста численности населения Саратовской области на 0,6 процент); увеличение роста заработной платы в 3 раза; увеличение ожидаемой продолжительности жизни на 9,2 процента.[2] Согласно Плану по реализации Стратегии социально-экономического развития Саратовской области до 2030 года [3] уже прошел первый этап реализации Стратегии. Для того чтобы понять, как же реализуется Стратегия, следует рассмотреть динамику некоторых показателей в период первого этапа, то есть за 2016-2018 годы.

Инвестиций в основной капитал за 2016 год поступило 141337,3 млрд. руб., а за 2018 год 155259,6 млрд. руб. «Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций в 2016 году составляет – 23548,05 руб., а в 2018 году - 26820,65 руб. Численность населения на конец 2018 года составляет 2440,8 тыс. человек, а на конец 2016 года численность населения была на 38,5 тыс. человек выше, и составляла - 2479,3 тыс. человек. Причём естественная убыль населения за 2016-2018 гг. равна 28,4 тыс. человек. А миграционная убыль населения за 2016-2018 гг. составляет 17 072 человека. Средняя продолжительность жизни в области в 2016 году составила 71,7 года, а в 2018 году – 73 года».[4]

По этим показателям видно, что численность населения в Саратовской области с каждым годом становится меньше, хотя Стратегия подразумевает увеличение численности населения на 0,6 процента. «Объём инвестиций в основной капитал за 2016-2018 гг. вырос только на 65,1 млрд. руб. Неизвестно, возможно ли такими темпами увеличить инвестиции в 4, 6 раз до 2030 года, как это указано в Стратегии. В период с 2016 г. по 2018 г. среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций увеличилась на 3272,6 руб. Здесь также не понятно, возможно ли к 2030 году увеличить её в 3 раза и составит ли она 65,5 тыс. руб.». [2]

Рассмотрим основные показатели социально-экономического развития Саратовской области за 2020 год в процентах к 2019 году.

По итогам 2020 года индекс промышленного производства составил 102,8% (РФ – 97,1%; место области в РФ – 18, ПФО – 2 место), объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по полному кругу организаций – 560,4 млрд. руб. или 103,5% в действующих ценах к 2019 году. «Предприятиями обрабатывающих производств отгружено продукции на сумму 420,6 млрд. руб. (105,4%), индекс промышленного производства – 104,4%. Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по добыче полезных ископаемых составил 32,9 млрд. руб. (98,9%), ИПП – 89,7%. Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по обеспечению электроэнергией, газом и паром; кондиционированию воздуха составил 94,7 млрд. руб. или (96,8%), ИПП – 103,8%. Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по водоснабжению; водоотведению, организации сбора и утилизации отходов, деятельности по ликвидации загрязнений составил 12,2 млрд. руб. (108,3%), ИПП – 109,3%»[5].

В 2020 году произведено сельскохозяйственной продукции в объеме 174,1 млрд. руб. (109,3%). Производство составило: мяса скота и птицы в живом весе – 175,5 тыс. т (97,2%), молока – 752,2 тыс. т (100,7%), яиц – 921,6 млн. штук (98,1%)[5]. Объем инвестиций в основной капитал за январь-сентябрь 2020 года составил 99,2 млрд. руб., 91,0% к уровню января-сентября 2019 года. Оценка 2020 года – 170,5 млрд. руб. или 98,0% к уровню 2019 года.

В 2020 году инвестиционный портфель области масштабирован до 168 крупных проектов (свыше 50 млн. руб.) с общим объемом инвестиций 649 млрд. рублей и созданием 9,7 тыс. новых рабочих мест.

Объем работ, выполненных по виду деятельности «Строительство», составил 71,9 млрд. руб., индекс физического объема 102,8% к 2019 году.

В 2020 году в области за счет всех источников финансирования введено 1158,8 тыс. кв. м жилья (РФ – 24 место, ПФО – 8 место) или 96,4% к уровню 2019 года. «Оборот розничной торговли в 2020 году составил 395,0 млрд. руб. (100,1%). Населению области оказано платных услуг на сумму 96,3 млрд. руб. (89,8%). Средняя номинальная заработная плата за январь-ноябрь составила 32 498,0 руб. или 108,6% к уровню соответствующего периода 2019 года (по ПФО – 35 845 руб., РФ – 49 454 руб.). По сравнению с аналогичным периодом предыдущего года область поднялась с 14 на 8 место в рейтинге субъектов ПФО; оценка 2020 года – 32 902 руб. (107,1% к уровню 2019 года)».[5]

Численность официально зарегистрированных безработных в области на 1 января 2021 года составила 35,7 тыс. человек и по сравнению с началом прошлого года увеличилась в 3,5 раза.

В таких сферах, как промышленное производство, сельское хозяйство, строительство, розничная торговля, внешнеторговый оборот, производство промышленных товаров показатели растут. А среднемесячная начисленная заработная плата одного работника, реальная заработная плата, денежные доходы в среднем на душу населения, реально располагаемые денежные доходы и реальные денежные доходы возрастают. В остальных сферах показатели, к сожалению, уменьшились в сравнении с предыдущим годом.

Подводя итоги социально-экономического развития Саратовской области, можно сделать вывод, что базовые отрасли экономики: промышленность и сельское хозяйство показывают стабильную динамику. Достигнуты показатели, которые выше общероссийских, и даже прошлогодних по региону.

Как показал анализ функций и полномочий органов исполнительной власти Саратовской области, отсутствует орган власти, в полном объеме отвечающий за стратегическое планирование социально-экономического развития Саратовской области. Только в полномочиях отдельно взятых органов власти (например, Министерство экономического развития области, Министерство социального развития области, Министерство занятости, труда и миграции области и др.) отражаются некоторые вопросы, связанные со стратегическим планированием. Целесообразным представляется перераспределение функционала и создание в структуре Министерства экономического развития области Департамента стратегического планирования (далее – Департамент).

Департамент должен осуществлять полномочия (функции) в сфере стратегического планирования социально-экономического развития области: проводить мониторинг и подготавливать информационно-аналитический материал по социально-экономическому развитию Саратовской области; обеспечивать проектную деятельность органов исполнительной власти Саратовской области и обеспечивать осуществление оценки эффективности деятельности органов исполнительной государственной власти области по уровню ключевых показателей эффективности деятельности.

Создание Департамента позволит тщательнее проводить *мониторинг и анализ социально-экономической ситуации в регионе*, следовательно, будет лучше видна работа участников социально-экономического развития. И исходя из этого, будет понятнее, какие методы и механизмы стратегического планирования следует применять для более эффективной проработки этапов стратегического планирования экономического развития. Это позволит увеличить показатели социально-экономического развития в Саратовской области.

Таким образом, стратегическое планирование регионального развития рассматривается как процесс планирования деятельности конкретного экономического субъекта, которым является территориальное образование. Создание Департамента стратегического планирования позволит тщательнее проводить мониторинг и анализ социально-экономической ситуации в регионе, следовательно, будет лучше видна работа участников социально-экономического развития. И, исходя из этого, будет понятнее, какие методы и механизмы стратегического планирования следует применять для более эффективной проработки этапов стратегического планирования экономического развития. Это позволит увеличить показатели социально-экономического развития в Саратовской области.

Библиографический список

1. О стратегическом планировании в Российской Федерации Федеральный закон от 28.06.2014 N 172-ФЗ (ред. от 18.07.2019) // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс»
2. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Саратовской области до 2030 года Постановление Правительства Саратовской области от 30 июня 2016 г. N 321-П [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс»
3. О Плане мероприятий по реализации Стратегии социально-экономического развития Саратовской области до 2030 года: Распоряжение Правительства Саратовской области от 29 декабря 2016 г. №359-Пр URL: <https://g-64.ru/upload/off/040120171621pco%20359.pdf>
4. Краткий статистический сборник Саратовская область в цифрах-2020 URL: <https://srtv.gks.ru/storage/mediabank/p4jZJXUB/karman2020.pdf>
5. Основные показатели социально-экономического развития Саратовской области и Российской Федерации за 2020 год // URL: <https://saratov.gov.ru/region/economy/pokaz-soc-ekonom-razv/>
6. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2017: Стат. сб. / Росстат - М., 2017 – 332 с.

Information technologies in the management of socio-economic development in the Saratov region

Чугунова
Ольга Анатольевна

Кандидат экономических наук, доцент
кафедры «Экономики и менеджмента»
Балаковского филиала РАНХиГС

Olga A. Chugunova

Candidate of Economic Sciences, Associate
Professor at the Department of
Economics and Management, Balakovo
branch of RANEP

e-mail: olan.77@yandex.ru

УДК 353.2:004

Информационные технологии в управлении социально-экономическим развитием на примере Саратовской области

Статья посвящена работе государственной автоматизированной информационной системы «Управление» на примере Саратовской области, которая создана с целью повышения эффективности государственного управления

Ключевые слова: информационно-аналитическая система, государственное управление, социально-экономическое развитие, цифровизация, электронное правительство, информационный источник.

The paper is about the application of the state automated information system “Management” under the example of the Saratov region. The state automated information system is developed to enhance the efficiency of public administration.

Keywords: information analytical system, public administration, socio-economic development, electronic government, information source.

Сердцевиной эффективного управления должна стать информационно-аналитическая система, обеспечивающая подготовку решений в условиях различного уровня (в том числе - и недостатка) информации, которая будет предоставлять информацию в наиболее удобном и наглядном виде и обеспечивать решение большого количества аналитических, прогнозных, плановых, программных и иных задач регионального развития с использованием инструмента моделирования. Эта система должна обеспечивать возможность оценки эффективности принимаемых управленческих решений, оперативного просчета различных вариантов управляющих политик, расчета ресурсов, необходимых для достижения поставленной цели.

В настоящее время все чаще поднимается вопрос о том, как повысить эффективность принятия органами власти управленческих решений на уровне региона, как обеспечить высокоэффективное управление социально-экономическим развитием региона.

В настоящее время можно видеть значительное возрастание роли информационно-аналитических систем в процессах государственного управления, и в том числе на уровне управления региональным развитием. Несмотря на высокую актуальность и необходимость таких системных комплексов, в настоящее время имеется множество проблем технического и организационного характера, что существенно замедляет процессы информатизации государственного управления.

С другой стороны, на уровне отдельных регионов, ведомств и для решения отдельных (узких) задач разработано довольно большое количество информационных решений. Рассмотрим существующие решения по формированию информационно-аналитических систем в области госуправления на примере Саратовской области [1].

Саратовская область является одним из субъектов Российской Федерации с мощной экономикой и хорошим ресурсным потенциалом. Это один из крупнейших промышленных, транспортных, научно-образовательных, культурных, туристских и управленческих центров. В течение последнего десятилетия Саратовская область добилась высоких результатов социально-экономического развития, в том числе в экономике, финансах, в направлении улучшения состояния городской среды.

Достижению высоких результатов социально-экономического развития способствовал стратегический подход и плановость управленческих решений государственной власти Саратовской области. В значительной степени это смогло быть обеспечено, благодаря наличию «Стратегии социально-экономического развития Саратовской области на период до 2030 года» [2], а также хорошей информационной поддержке, что стало возможным при помощи информационно-аналитической системы, разработанной в регионе.

Государственная автоматизированная информационная система «Управление» (ГАС «Управление») Саратовской области представляет собой единую распределенную государственную информационную систему, обеспечивающую формирование и обработку данных, содержащихся в государственных и муниципальных информационных ресурсах, данных официальной государственной статистики, сведений, необходимых для обеспечения поддержки принятия управленческих решений в сфере государственного управления, а также предоставление и анализ информации на основании указанных данных.

ГАС «Управление» создана с целью повышения эффективности государственного управления.

ГАС «Управление» предназначена для обеспечения информационно-аналитической поддержки принятия органами государственной власти Российской Федерации и органами местного самоуправления решений в сфере государственного управления и местного самоуправления, а также планирования деятельности этих органов; осуществления мониторинга, анализа и контроля за исполнением принятых органами государственной власти Российской Федерации и органами местного самоуправления решений, в том числе за реализацией государственных программ Российской Федерации, основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации и выполнения приоритетных национальных проектов; осуществления мониторинга и анализа процессов, происходящих в реальном секторе экономики, финансово-банковской и социальной сферах, а также социально-экономического развития субъектов Российской Федерации; обеспечения оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления; осуществления мониторинга, анализа и контроля за достижением целевых значений показателей, предусмотренных в указах Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. N 596 - 606, в разрезе субъектов Российской Федерации, а также за реализацией мероприятий, направленных на их достижение. В данный момент в ГАС «Управление» предусмотрены открытая, доступная всем пользователям, и закрытая части. Для работы в закрытой части с использованием личного кабинета и других сервисов, необходимо зарегистрироваться в Единой системе идентификации и аутентификации. Порядок регистрации и форма заявки представлены в «Регламенте информационного взаимодействия участников с Оператором ЕСИА и Оператором эксплуатации ИЭП», опубликованном на сайте Минцифры России <https://digital.gov.ru/ru/>. Правовая основа создания ГАС «Управление» регламентируется Постановлением Правительства Российской Федерации от 25 декабря 2009 года №1088 «О государственной автоматизированной информационной системе «Управление» и Постановлением Правительства Саратовской области от 11 сентября 2014 года №526-П «О публичной отчетности органов исполнительной власти Саратовской области».

Государственная программа Саратовской области «Информационное общество» разработана с целью реализации основных положений Федерального закона «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления», Указа Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 года № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы», Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», постановления Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011 - 2020 годы)», Концепции информатизации Саратовской области до 2022 года, утвержденной постановлением Правительства Саратовской области от 20 декабря 2017 года № 660-П.

Необходимость формирования и реализации государственной программы обусловлена направленностью процесса информатизации на различные сферы человеческой деятельности. Решение такого рода задач требует длительного времени, распределения ресурсов и эффективного взаимодействия всех заинтересованных сторон.

В настоящее время уровень развития информационных технологий в целом соответствует уровню социально-экономического развития области. Соответствующие показатели достигнуты путем реализации с 2008 года на территории области целевых программ по информатизации, в результате исполнения которых:

- подготовлена необходимая нормативная правовая база, регламентирующая порядок предоставления электронных услуг;

- организовано внедрение в деятельность органов исполнительной власти области единой системы электронного документооборота (доля электронных документов органов исполнительной власти в общем объеме документооборота составляет 100 процентов);

- обеспечено межведомственное электронное взаимодействие при оказании государственных и муниципальных услуг, являющееся основой для организации обмена информацией между органами власти области и организациями всех уровней;

- организован доступ к информации о деятельности мировых судей области с использованием цифровых каналов передачи данных в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (далее - сеть Интернет) (судебные участки мировых судей были оборудованы программными средствами для публикации судебных решений и движения дел в сети Интернет);

- в учреждениях общего образования области количество учащихся на один персональный компьютер сократилось с 17 человек в 2010 году до 7,4 человека;

- обеспечена работа 35 муниципальных центров дистанционного образования детей-инвалидов;

- разработаны и запущены официальные сайты Уполномоченного по правам ребенка в Саратовской области, Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Саратовской области, Уполномоченного по правам человека в Саратовской области;

- доля медицинских организаций государственной и муниципальной систем здравоохранения (больницы и поликлиники), подключенных к сети Интернет (без учета фельдшерско-акушерских пунктов) достигло 100 процентов;

- реализован переход на оказание государственных и муниципальных услуг в электронном виде (в электронный вид переведены 95 процентов приоритетных государственных и муниципальных услуг).

Государственная программа «Информационное общество» ориентирована на выполнение мероприятий с 2019 по 2024 годы с целью обеспечения информационной открытости органов государственной власти области, а также развития электронного правительства и повышения эффективности государственного управления.

Для обеспечения комплексности и системности мероприятий, направленных на развитие информационного общества, формирование электронного правительства в Саратовской области, формирования предпосылок для реализации программы цифровой экономики потребуются решение следующих задач:

- развитие механизмов предоставления гражданам и организациям государственных и муниципальных услуг с использованием информационно-коммуникационных технологий;

- повышение эффективности деятельности органов исполнительной и законодательной власти области, государственных органов области за счет использования информационно-коммуникационных технологий;

- обеспечение информационной безопасности на основе отечественных разработок при передаче, обработке и хранении данных, гарантирующих защиту личности, бизнеса и государства;

- автоматизация приоритетных видов регионального государственного контроля (надзора) в целях внедрения риск-ориентированного подхода.

При разработке государственной программы особое внимание было уделено оптимизации затрат на ее реализацию при одновременном достижении социально-экономического эффекта при осуществлении программных мероприятий.

Информатизация Саратовской области является важнейшим фактором формирования эффективной региональной управленческой системы, призванной объединить всех заинтересованных участников процесса регионального социально-экономического развития в целях создания комфортной среды для жизнедеятельности населения области при комплексном повышении уровня его благосостояния.

Ожидаемыми результатами государственной программы являются:

- перевод в электронный вид 95 процентов социально значимых государственных услуг, оптимизация электронных форм заявлений услуг;
- увеличение числа пользователей Саратовской области, использующих электронный формат взаимодействия с органами власти области;
- повышение результативности и эффективности работы судебных участков мировых судей области за счет внедрения ведомственных информационных систем, организации их технического и информационного сопровождения;
- приобретение и установка в пунктах проведения экзаменов комплексов по защите каналов связи для обеспечения режима информационной безопасности при передаче данных во время подготовки и проведения государственной итоговой аттестации;
- организация дистанционного обучения детей-инвалидов, находящихся на обучении по образовательным программам на дому;
- внедрение и сопровождение автоматизированной системы содействия занятости населения;
- повышение качества реализации на региональном уровне контрольно-надзорных полномочий, предусмотренных Стандартом информатизации контрольно-надзорной деятельности;
- обеспечение устойчивости и повышение безопасности функционирования информационной инфраструктуры и сервисов передачи, обработки и хранения данных, в том числе, за счет обеспечения использования отечественных разработок и технологий при передаче, обработке и хранении данных.

Таким образом, итоговым результатом станет наличие широкого спектра возможностей использования информационных технологий в производственных, научных, образовательных и социальных целях. Также будут сокращены непродуктивные расходы (например, обеспечение предоставления государственных услуг в электронном виде значительно сэкономит количество часов рабочего времени за счет отказа от необходимости посещения различных органов власти и организаций, существенное сокращение очередей), оптимизируется структура и объем затрат на обеспечение деятельности органов власти, расширяются коммуникативные возможности граждан и организаций.

Библиографический список

1. <https://saratov.gov.ru/region/>
2. Постановление от 30 июня 2016 г. n 321-п «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Саратовской области до 2030 года»
3. Евтюшкин А.В., Елизаров А.М., Елизарова Р.У., Ершова Т.В., Ризманова Л.М., Симаков О.В., Хохлов Ю.Е., Шапошник С.Б., Юревич М.А., Юрьева А.А. Индекс готовности регионов России к информационному обществу 2013–2014. Анализ информационного неравенства субъектов Российской Федерации / Под ред. Т.В. Ершовой, Ю.Е. Хохлова, С.Б. Шапошника. – М.: 2015. – 524 с. ISBN 978-5-901907-45-0

Образовательное пространство. Историко-философский аспект.

Синчурина
Екатерина Сергеевна

Старший преподаватель кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин Балаковского филиала РАНХиГС, аспирант философского факультета ФГБОУ ВО Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского

Ekaterina S. Sinchurina

Senior lecturer at the Department of Humanities and Science, Balakovo branch of RANEPA, post-graduate student of Saratov State University named after N.G. Chernyshevskii e-mail:sinchurinae@mail.ru

УДК 334

Historical and philosophical aspects of the educational space

В статье дается краткий экскурс в развитие и формирование понятия пространства с точки зрения философии, рассматривается процесс соотнесения понятий пространство и образование, возникновение понятия образовательное пространство – его многомерность, многокомпонентность, системность и влияние на него социальных процессов.

Ключевые слова и словосочетания: пространство, образование, образовательное пространство, образовательная среда.

The paper provides a brief excursion to the development and formation of the concept of space from the philosophical aspect, examines the correlation of the concepts of area and education, details the emergence of the concept of educational space - its multidimensional and multicomponent structure, consistency and the influence of social processes on it.

Keywords: range, education, educational space, educational environment.

Современный этап общественного развития можно охарактеризовать – динамичностью, насыщенностью, интенсивностью, информативным наполнением всех процессов, связанных с социальными изменениями. При этом необходимо отметить, что при всей скорости и насыщенности развития данные процессы органически неотделимы и взаимосвязаны друг с другом. Осознание данного явления и научно-практическая деятельность, выражающаяся в развитии пространственных представлений, дают нам такие понятия как – информационное, экономическое, геополитическое, образовательное пространство, которые в наше время являются обыденными и часто используемыми терминами, консолидирующими данные явления на основе организационных и структурных оснований.

Образовательное пространство – понятие относительно новое. «Реалия, ставшая предметом интенсивного исследования в научных кругах в последнее время и без которой сложно представить современное образование в целом». Феномен образовательного пространства кроется в процессах общественного развития – глобализации, интеграции, изменения в информационном пространстве и экономике, непрерывности образовательного процесса, а так же ряде причин, которые взаимодействуя, складываются в единую картину и наполняют образовательное пространство

содержательным обобщением. «Феноменология образовательного пространства сложна, многомерна, стохастична. Отсюда сложность и неоднозначность толкования понятия образовательное пространство» [14].

В первую очередь мы оперируем к понятию пространство, которое является категорией научного знания и философии. «Категория пространства сформировалась на основе наблюдения и практического использования положения объектов и их отношения друг к другу, а так же их объема и протяженности» [14].

История философского понимания пространства развивалась по двум направлениям и представлена субстанциональной и реляционной концепциями.

Основу субстанциональной концепции принято выделять в работах античных атомистов, а так же в философии И. Ньютона (учение об абсолютном пространстве и времени). Здесь пространство воспринимается как пустота, неподвижное вместилище реально существующих объектов материального мира. Это пространство абсолютно и автономно, не зависит от расположенных в нем объектов и существует повсеместно, но материальные объекты при этом не могут существовать вне его.

Реляционная концепция основывается на философии Платона и Аристотеля и в последующем получает свое развитие в трудах таких философов как Р. Декарт, К. Маркс, Ф. Энгельс. Определенность пространства в данной концепции затруднена, оно воспринимается как некая совокупность всех мест реальных объектов (сумма их протяженности), одна из форм существования материи. При этом под сомнение попадает понимание пространства как абсолютного феномена.

До конца XIX века абстрактное понятие пространства включало в себя оба подхода – рассматривалось как абсолютное и объективное явление, в котором протекают различные процессы. В XX веке понятие пространство претерпевает изменения, в связи с тем, что пространство начинает восприниматься не только как феномен, лежащий в физической плоскости, но и как феномен, распространяющийся на гуманитарно-культурную сферу. Эти изменения в подходе к понятию пространство связаны с развитием системного подхода и пониманием сложных систем. Качественный анализ данных систем связан с пространственной организацией, наличием элементов системы и взаимодействию между ними. Одним из элементов пространства становится человек (субъект). Пространство в данном контексте это место наполненное элементами организации человеческой деятельности. То есть мы приходим к пониманию, что пространство это продукт и результат деятельности субъекта. Человек и пространство взаимосвязаны, именно в пространстве протекает повседневная жизнь человека, его личностное бытие. Формирование человека (субъекта), в том числе личностное опирается на приобщение к данной системе пространства. И пространство предстает в данном понимании как пространство процессов (осмысления, практической реализации), а не только как пространство физических тел.

Такое переосмысление данного понятия позволяет выделить три направления в его восприятии – объективное, субъективное и деятельностное. В объективном направлении пространство это совокупность внешних объектов, формирующее понимание картины мира. В субъективном пространстве наполнено чувствами и мыслями. В деятельностном направлении в пространстве объединяются два предыдущих подхода, и оно представляется как совокупность внешних субъектов, их восприятия и сводится к феноменологическому тождеству «практик», то есть оно образуется не только вещами, но и мыслями субъекта. В связи с этим становится, возможно, соотнесение таких понятий как пространство и образование, так как они относятся к социальной практике деятельности субъекта. На стыке этих понятий появляется новое – образовательное пространство.

«Образовательное пространство с точки зрения феноменологической интерпретации можно рассматривать как пространство включенности объекта в тотально образовательное пространство, представляющее собой системную совокупность реальных взаимодействий человека с действительностью и данное субъекту через восприятие и действие. Мир дается субъекту в совокупности перцептуальных и когнитивных образов, упорядочиваемой системой понятий».

В данном определении – «образовательное пространство» мы видим синтез педагогической науки и философии, имеющий методологические черты. Как было отмечено выше понятие пространство имеет продолжительную историю в своем развитии, сопровождающееся онтологическим подходом. Мировоззренческие попытки осмысления человеком мира происходят на протяжении всей истории и сопровождаются новыми этапами развития и формирования философского знания. В то же время понятие образование относится к области эмпирического знания. При этом оно существует наравне с человечеством. Но мы можем отметить «относительную «молодость» педагогики как науки и образования как области научного знания» [14].

В наше время становится актуальным изучение и осмысление понятия образовательное пространство, так как в нем скрыты возможности и многомерность данной категории и феномена.

Понятие образование является многомерным, многокомпонентным и в своем историческом развитии претерпело ряд изменений, связанных с социальными процессами.

Изначально в педагогической учебной литературе образование представляло собой процесс и результат обучения (воздействия на субъект), данное определение так же актуально, но дополнено новыми смыслами и контекстами с учетом времени. Рассмотрим некоторые подходы раскрывающие понятие образование.

Б.С. Гершутский в своей работе «Философия образования для XXI века» образование характеризует – как ценность для государства, общества и личности. При этом в образовательное пространство личности включаются жизненное, психологическое пространства. И именно в этом понимании человек должен самостоятельно отвечать на вопрос, что есть образование в его личной жизни. Пространственный аспект проявляется на стыке государственного и общественного.

Б.Д. Эльконин в работе «Образовательные результаты и результаты развития» [15, с.49-59] отмечает, что образовательные результаты имеют количественные и качественные изменения. То есть мы понимаем образование как процесс и результат, при разнообразии образовательных тактик и стратегий и конечных результатов. В данном случае отображены идеи «овременения пространства» и «опространствливания времени». Любой процесс, а значит и образовательный протекает во времени и имеет результат

Образовательно пространство предстает в виде системы – так как это сложный многогранный процесс оно требует упорядочения, сведения в систему. Образование как система подразумевает целеполагание и раскрывает по новому феномен образования.

Так же необходимо отметить деятельностьную составляющую процесса образования. Рассмотрим данный аспект с точки зрения диалектико-материалистического подхода, о которого является К. Маркс и в нашей стране получил свое развитие благодаря трудам В.И. Ленина – «Деятельность человека, составившего себе объективную картину мира , изменяет внешнюю действительность уничтожает ее определенность...» [11] Понятие образование лежит в духовной плоскости но все изменения связанные с ним отражаются и на духовной и на материальной сферах человеческой жизни в целом. То есть влияние оказывается человеком на физическое пространство, которое осваивается и преобразуется человеком в процессе образовательной деятельности.

Образование можно рассматривать так же с точки зрения развития отдельно взятой личности. Можно отметить развитие качеств личности, характера, психических процессов в результате которых человек становится субъектом деятельности и общения, то есть включается в процесс социализации. В связи с этим появляется понятие личностно-ориентированного образования нацеленного на положительный результат. И.С. Якиманская в своей работе «Технология личностно-ориентированного обучения» отмечает данный феномен.

О.В. Долженко в своей работе «Очерки по философии образования» отмечает «Образование это процесс приобщения к культурно детерминированным путям решения тех задач, с которыми связана жизнь человека, через которые он вынужден пройти. Всеобщность этих задач выступает условием существования образования как особого вида социальной практики, частично воплощенной в жизни института образования» [3, с.63]. Так же автор отмечает, что образование может представлять в виде «предмета философской рефлексии с концентрацией внимания на истории становления образования, в частности как системы, на тех философских доктринах, которые обусловили этот процесс» [3,с.63].

Р.Е. Пономарев в своей монографии «Образовательное пространство» подводит нас к пониманию утверждения «образование – вхождение в культуру» или образование как культурное явление. «Образование играет важную роль и в процессе созидания культуры. В процессе образования человек не только осваивает существующий культурный опыт, но и выступает в качестве субъекта его проживающего» [13, с.18]. Под образованием Р.Е. Пономарев понимает «процесс и результат приращения культуры человека» [13, с.21]. Данное высказывание можно дополнить мнением В.А. Лекторского « в образовании важна не культура сама по себе, а ее рефлексия, которая представляет собой анализ предельных состояний познания, деятельности и оценки, построения определенного идеала знаний, моральной жизни, политического устройства, знающих не саму деятельность а ее нормы, вытекающие из утвержденных идеалов и принципиальных подходов к организации жизнедеятельности [9].

Образовательное пространство, часто заменяется близким по значению (синонимичным) но не тождественным – образовательная среда. Оба понятия включают условия взаимосвязанные между собой и влияющие на развитие человека. Данные понятия взаимосвязаны, так как образовательное пространство это ресурс моделирования системы (объективно), а образовательная среда – процессов управления развития человека (субъективно). Пространственные представления довольно активно используются в различных сферах социальной деятельности.

Системный подход делает возможным анализ понятия «образовательное пространство». Согласно, проведенного анализа смыслового поля понятия «образовательное пространство» мы можем сделать вывод, что в него входят понятия пространства как самостоятельной сущности и как системы отношений между материальными объектами и субъектами, а так же явлениями. Образовательное пространство является частью социального пространства. Французский социолог П. Бурдье, в своей работе «Социология социального пространства» вводит понятие ««образовательное пространство», по аналогии с пространством физическим, характеризует его структурой определенных социальных позиций, существованием социальных полей (социальных отношений между многообразием социальных позиций) и социальной силы (того, что определяет отношения), которые осуществляют практики (хозяйственную, образовательную, художественную, политическую и другие) и обладают разными типами капитала». [4]

Понятие образовательное пространство включает две основные идеи – пространства, и образования. И представляет собой «пространство включенности субъекта в тотально образовательное пространство, представляющее собой системную совокупность реальных взаимодействий человека с действительностью и данное субъекту через восприятие и действие». [5]

Библиографический список

1. Брыкин Ю.В. Анализ понятия «Образовательная среда» в современных научных исследованиях // Вестник РМАТ. 2016. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-ponyatiya-obrazovatel'naya-sreda-v-sovremennyh-nauchnyh-issledovaniyah> (дата обращения: 14.09.2021). – Загл. с экрана. – Яз. рус.
2. Бутакова, О. А. Семантическая характеристика образовательного пространства как педагогического понятия / О. А. Бутакова // Теория и практика профессионального образования: педагогический поиск: сборник научных трудов. Вып. 11 / Екатеринбург : Трудиздат, 2009. – С. 24-32.
3. Долженко О.В. «очерки по философии образования» Учебное пособие – М.:Промо-Медиа, 1995.– 240с.
4. Игумнова Е. А. Системный подход как методологическая основа исследования регионального образовательного пространства // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2011. –№ 3 (34). С. 123 -130.
5. Касторнова В.А. Некоторые подходы к определению образовательного пространства // Педагогическое образование в России. 2014. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-podhody-k-opredeleniyu-obrazovatel'nogo-prostranstva> (дата обращения: 02.09.2021). – Загл. с экрана. – Яз. рус.
6. Касторнова В.А. О взаимосвязи понятий пространства и среды в системе образования// Ученые записки ИИО РАО. 2012. №41. URL: <https://portalsga.ru/data/2838.pdf> (дата обращения: 08.09.2021). – Загл. с экрана. – Яз. рус.
7. Касторнова В.А. Развитие становления понятия образовательного пространства, базирующегося на информационнообразовательной среде // Теория и практика общественного развития. 2012. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-stanovleniya-ponyatiya-obrazovatel'nogo-prostranstva-baziruyuschegosya-na-informatsionnoobrazovatelnoy-srede> (дата обращения: 08.09.2021). – Загл. с экрана. – Яз. рус.
8. Лебедева Ю.И. Представления древних греков о пространстве и времени по поэмам «Илиада» и «Одиссея» // Ярославский педагогический вестник. 2016. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predstavleniya-drevnih-grekov-o-prostranstve-i-vremeni-po-poemam-iliada-i-odiseya> (дата обращения: 04.09.2021). – Загл. с экрана. – Яз. рус.
9. Лекторский В.А. Философия в современной культуре: новые перспективы (материалы "круглого стола")//Журнал: Вопросы философии. – 2006. – № 4. – 46с.
10. Лоскутова И.М. Модернизация образовательного пространства в зеркале эмпирической социологии // Преподаватель XXI век. 2013. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-obrazovatel'nogo-prostranstva-v-zerkale-empiricheskoy-sotsiologii> (дата обращения: 22.09.2021). – Загл. с экрана. – Яз. рус.
11. Митин М.М. «Диалектический материализм», Учебник для комвузов и втузов – Москва: ОГИЗ СОЦЭКГИЗ, 1934. – С. 138-140.
12. Мухин А. С. Категории «пространство» и «время» в философии античности, средних веков и Возрождения // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2007. №37. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategorii-prostranstvo-i-vremya-v-filosofii-antichnosti-srednih-vekov-i-vozhrozhdeniya> (дата обращения: 08.09.2021). – Загл. с экрана. – Яз. рус.

13. Пономарев Р.Е. Образовательное пространство: Монография. – М.: МАКС Пресс, 2014. –100с.
14. Семенова Е.В., Семенов В.И. СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО: МНОГОМЕРНОСТЬ ПОНЯТИЯ // Научное обозрение. Педагогические науки. – 2014. – № 2. – С. 105-106; URL: <https://science-pedagogy.ru/ru/article/view?id=417> (дата обращения: 02.09.2021) – Загл. с экрана. – Яз. рус.
15. Эльконин Б. Д. Образовательные результаты и результаты развития // Педагогика развития: образовательные результаты. Их измерение и оценка. ? Красноярск, 2008. ? С. 49-59.
16. Якушкина М.С. Образовательная среда и образовательное пространство как понятия современной педагогической науки // ЧиО. 2013. №2 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatel'naya-sreda-i-obrazovatelnoe-prostranstvo-kak-ponyatiya-sovremennoy-pedagogicheskoy-nauki> (дата обращения: 10.09.2021). – Загл. с экрана. – Яз. рус.

Требования к рукописям научных статей,
представляемым для публикации в научном журнале
“Актуальные проблемы современности: наука и общество”

Общие требования. Статья представляется в электронном виде по адресу: editorial.aps@gmail.com.

К рассмотрению принимаются статьи с оригинальностью текста не менее 70% от объема статьи (для проверки используется сервис www.antiplagiat.ru).

Название файла должно соответствовать фамилии первого автора.

Форматирование основного текста. Абзацный отступ - 1,25 см. Межстрочный интервал – полуторный.

Нумерация страниц располагается внизу страницы в углу справа. Шрифт *Times New Roman*, обычный.

Размер кегля (символов) - 14 пт.

Параметры страницы. Формат А4 (книжный). Поля: все по 20 мм.

Объем статьи. Максимальный объем статьи до 12 страниц машинописного текста.

Требования к составу публикуемой статьи.

Публикуемая в журнале статья должна состоять из следующих последовательно расположенных элементов:

- индекс (УДК) – слева, обычный шрифт - должен соответствовать заявленной теме;
- инициалы автора(ов) и фамилия(и) – справа, шрифт – курсив (на русском и английском языках);
- заголовок (название) статьи – по центру, шрифт полужирный, буквы – прописные (на русском и английском языках);
- аннотация (объем – до 10 строк) и ключевые слова (до 5-10 ключевых слов) - на русском и английском языках;
- текст статьи;

- библиографический список (приводится в соответствии с требованиями *ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления*. В списке источники располагаются в порядке их упоминания в статье. Для связи списка цитируемой литературы с текстом статьи используют отсылки в соответствии с *ГОСТ Р 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления*. Отсылки в тексте статьи заключают в квадратные скобки. Порядковый номер цитируемого источника приводят в соответствующей строке текста статьи, например: [5]. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указывают порядковый номер и страницы, на которых помещен объект ссылки. Сведения разделяют запятой, например: [5, с. 23].

Элементы статьи отделяются друг от друга одной пустой строкой.

Сведения об авторе(ах).

На отдельной странице предоставляются сведения об авторе(ах):

- фамилия, имя, отчество полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, занимаемая должность, контактный телефон, адрес электронной почты.

Сведения в полном объеме приводятся на русском и английском языках.

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

Рисунки, схемы, диаграммы. В качестве иллюстраций статей принимается не более 2 рисунков. В тексте статьи следует дать ссылку на конкретный рисунок, например (рис. 2).

Фотографии. Прилагаемые фотографии должны быть четкими, пригодными для сканирования либо в электронном виде (формат .tif, .jpg).

Таблицы. Таблиц должно быть не более 2-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word (формат *.doc) и пронумерованы по порядку.

Статьи оцениваются членами редакционной коллегии, специалистами РАНХиГС или других вузов по профилю, соответствующему содержанию статьи. Статья направляется на рецензию без указания Ф.И.О. и иных данных, позволяющих идентифицировать автора. Автор вправе ознакомиться с выполненной рецензией. Автор вправе представить заверенную рецензию научного руководителя, доктора / кандидата наук соответствующего профиля.

Ответственный секретарь научного журнала

“Актуальные проблемы современности: наука и общество”

Барышная Наталья Александровна

(8453) 46 21 95; e-mail: editorial.aps@gmail.com

Сайт журнала www.i-journal.com

